

КОМИТЕТ
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Р. П. В.
1914

3
283-1

ГРУППА
«ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА»

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Л. Г. ДЕЙЧА

СБОРНИК № 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

[1923]

ПИСЬМА Л. Г. ДЕЙЧА К ПАВЛУ БОРИСОВИЧУ АКСЕЛЬРОДУ.

(В НАЧАЛЕ 80-Х Г.Г.).

Эти мои письма были мною получены обратно много лет тому назад для использования от П. В. Аксельрода. Они иллюстрируют, дополняют мои очерки, в которых я сообщал о нашем сближении и разрыве с народовольцами, а также и о возникновении группы «Освобождение Труда». Но, к сожалению, у меня не все посланные мною ему тогда имеются. Я регулярно, не меньше двух—трех раз в месяц обо всем обстоятельно осведомлял его, а также и В. Н. Игнатова (отчасти еще Алекс. Хотинского, С. Кравчинского, Лаврова и других), чтобы держать их в курсе дел и сближать с нами, женовцами, явившимися, так сказать, ядром будущей группы «Осв. Труда». Насколько могу припомнить, эти мои письма являются самыми ранними из сохранившейся переписки между членами группы «Освоб. Труда», так как с 1882 г. по весну 1884, — т. е. до моего ареста во Фрейбурге, — главным образом, я один переписывался с Аксельродом, о чем он упоминает в I томе своего «Пережитого и передуманного».

В письмах этих я пропускал все, не имеющее никакого отношения ни к нашим сношениям с народовольцами, ни к возникновению группы «Осв. Труда». По этим письмам становится очевидным, как народовольцы толкали нас на выступление, чего мы долго не хотели делать. Слова, поставленные в прямые скобки, вписаны мною теперь для полноты или ясности смысла.

Л. Д.

(Пятница) 17 марта 1882 г.

I.

Дорогой Павел! Посылаю тебе коллективный ответ ¹⁾ исправленный и дополненный «почти» так, как ты хотел,—больше поправок мы никак не могли сделать, так как у нас здесь с Жоржем совсем разные взгляды насчет федерализма и централизма. Мы проспорили два дня—чуть не на пожах. Жорж, по обыкновению, страшно горячился, доказывая, что нужно стоять «за единую и нераздельную Россию» (этого же взгляда и Василь ²⁾); впрочем, при этих спорах—после получения твоих замечаний—не присутствовавший, и хотел даже совсем не подписываться с нами, раз мы выскажемся прямо за федерализм, или написать особое письмо совсем в своем духе,—это составлено им, мною и Верой коллективно,—чего мы не хотели. Одним словом, написанная нами формулировка—единственное, что мы смогли придумать наиболее миролюбивое, и на чем мы все здесь единодушно согласились, в твердой уверенности, что и ты ничего против нее иметь не будешь, так как она ведь несколько не обязывает нас впредь об этом вопросе не высказывать своих особенных взглядов. Отчасти по этой же причине, т.-е. из-за разногласий с Жоржем по поводу федерализма, мы не могли внести в программу-минимум твоего предложения на счет автономий («широкое местное самоуправление»), а еще и потому, что мы ведь не пишем им «программу-минимум», а только вскользь упоминаем так, как действительная программа-минимум требовала бы нескольких недель, если не месяцев, для ее выработки, а в той форме, как нами, как бы вскользь, упоминаются минимальные требования, все находили, по конструкции письма, неуместным говорить «о национальной равноправности, относительно языка, школ и т. д.», как ты предлагаешь, так как тогда нам, как социалистам, следовало бы сказать, *какие* именно минимальные требования

¹⁾ Под «Коллективным ответом» мы имели в виду письмо, написанное сообща Г. В. Плехановым, В. Ив. Засулич и мною «Исполнительному Комитету и Народной Воле», в ответ на его обширное сообщение, в котором он излагал свои задачи и стремления захватить власть. Об этом подробно я сообщил в очерке «О сближении и разрыве с народолюбцами» («Прол. Рев.» № 8 (20).

²⁾ Василь—В. Н. Игнатов, см. «Прол. Рев.» № 9 (21).

нужны и возможны для трудящихся масс, чего мы не могли сделать, т[ак] к[ак] это требовало бы недель для выработки. Затем, ты недоволен был тоном,—мы постарались, насколько могли, и его переменить, всего же письма переделать нам было абсолютно невозможно, во-первых, потому, что оно, в сущности, нам и так ничего себе правилось, а, во-вторых, ни у кого из нас не было ни времени, ни охоты. Мы уже решили было выписать тебя сюда из-за споров и несогласий с Жоржем, но, так как мы уже упустили одну оказию послать этот коллективный ответ (в воскресенье, когда я тебе телеграфировал из Женевы) и боялись теперь снова затянуть это дело переговорами и спорами, раз бы ты приехал, то и решили покончить на этой невинной формулировке и так послать письмо.

Имен наших под посланным нашим ответом нет, а только сказано сверху письма—от бывших «Черно[ре]дельцев», так что если ты все же недоволен нашим ответом и в этом его виде, то мы решили, что в следующем письме [к] «Нар. В.», можем написать твое «особое мнение». Но, признаться, мне, Вере и Розе ¹⁾ ужасно было бы огорчительно, если бы ты захотел отстраниться от общего нашего письма; мы *все* старались сделать, чтобы *никого* из бывшей группы «Черн. Пер.» не отстранить от коллективного ответа теми или другими неприятными для него местами письма; мы так свыклись уже, сжились, что на отстранение кого-нибудь из нас от этого письма, на заявление его, что он «под ним не подпишется», смотрели как на причинение нам большого огорчения, даже боли. Но я уверен, что в настоящем виде письмо тебе понравится или, по крайней мере, ты не будешь находить его противоречащим твоим взглядам.

Дополнение о евреях мы сделали вследствие напоминания об этом Александром [Хотинским], а о твоей хурской речи ²⁾ мы сами догадались, еще до получения твоего письма, дополнить; так что мы сошлись, кажется, в данном пункте.

Ты пишешь, чего мы спешили с отсылкой этого коллективного ответа, что, так как он очень важен, то следовало бы его

¹⁾ Т.-е. Розалия Марковна Боград-Плеханова.

²⁾ Под «хурской речью» мы подразумевали произнесенную П. Б. Аксельродом на состоявшемся осенью 1881 г. в гор. Хуре (в Швейцарии) интернац. конгрессе речь, в которой он прекрасно защищал террористическую деятельность народовольцев; между тем они, по недоразумению, не поняв ее, разругали его за нее. (Подробно об этом также в № 8 «Пр. Рев.»).

побольше обдумать. Но, во-первых, мы получили их коллективное письмо уже более трех недель и из-за ареста моего бедного брата ¹⁾, посылки книг через нарочного, а теперь, в последнюю неделю, вследствие твоих замечаний, протянули до сих пор; дольше же откладывать,—это значит рисковать тем, что оно и вовсе не дойдет по назначению, а ты сам можешь догадаться, что с арестом брата сношения у нас с народами [ольцами] будут уже не столь прочны, аккуратны, и мы должны дорожить всяким случаем. Вот почему мы, не получив твоего ответа насчет окончательной формы нашего письма, сегодня только отослали его.

Лавров уже писал нам, что, по существу, он согласен с нашим ответом, хотя и находит, что мы «сделали им много уступок». Но он, все одно, должен и будет писать им особо насчет их коллективного письма. (Это, вероятно, будет уже, когда получится ответ на наше письмо.)

Ну, вот и все, кажется, по поводу столь нам всем уже надоевшего коллективного ответа. Предлагаемое письмо перешли Александру с просьбой по прочтении переслать его мне, чтобы, если посланное нами не дойдет, можно было снова его переписать. (Раз пять все мы его уже переписывали, возились с ним всячески,—страх как оно надево!) Ты же, по прочтении, напиши, как его теперь находишь.

Относительно еврейской брошюры, которую ты теперь пишешь, мы все думаем, что ее лучше выпустить от «Исп. Ком.» в том духе, как мы предлагаем народ [овольцам] в своем письме, что будет значительно полезнее, чем так, как ты задумал, так как в первом случае она действительно будет прочитана многими, во втором же—только заграничными евреями. Да и вообще нам всем теперь следует держаться крепко друг за друга и во всех случаях выступать так, чтобы остальные всегда могли заявить, что они разделяют те же воззрения, так же ответственны за этот поступок, факт. Поэтому мы все просим тебя, во-первых, написать брошюру «к евреям» (а не «еврейской молодежи»), где ознакомь их с причинами, создавшими их исключительное положение в России, затем,—с настоящим революционным движением и призывай евреев к содействию в добывании политической свободы наравне с другими слоями, советуй им стремиться

¹⁾ Я имел здесь в виду арест друга моего Я. Стефановича.

к сплочению с другими национальностями русского государства, а не держаться изолированно.

[Конца нет.]

II.

27 марта 1882 г.

Дорогой Павел! Посылаю тебе письмо мое к Дическуло ¹⁾. — перешли ты его ему, т[ак] к[ак] я не хочу отсюда его посылать, п[отому] ч[то], как видишь, подписываюсь своей настоящей фамилией. Я, признаться, злюсь на этого Дич[ескуло], — чего он пристаёт, когда должен был бы знать, как трудно теперь [даже] здоровым жить в России, а то еще ему, когда сам пишет, что «ста сажен не может сделать»! Письма его просто даже как будто насмешка над поездкой в Россию, — до того они легкомысленно написаны. А между тем мне пришлось потратить целых четыре часа, чтобы написать это письмо, потому что нужно ведь было перечитать некоторые письма брата и, вообще, как видишь, я очень, очень серьезно отнесся к его намерению. Но все же боюсь, что он не поймет меня, легко отнесется к моим сообщениям, ведь эти румыны какие-то дикари, чудаки, — вспомни странное письмо Иванов[ского] ²⁾.

Всего с час тому назад получил твое письмо, в котором просишь сообщить тебе имеющиеся новые сведения о революционном движении, чтобы ты до 8 часов получил их. Если бы даже я их и имел, то к данному часу я едва ли смог бы сообщить их по телегр., так [как] теперь 6 час. (воскр.). Очень я доволен, что ты виделся с Бебелем, и уверен, что ты с честью поддержал в его глазах партию. Ты ведь знаешь, как я смотрю на союз с немцами: по-моему это дело величайшей важности. Поэтому с твоим предложением на счет отношения «Н. В.» к немцефобин Скобелевых (в том числе — к позору анархии Кропоткина) — я

¹⁾ Дическуло привлекался по процессу 193-х, был оправдан, затем выслан админ. на север, откуда бежал в Румынию, где умер в 1889 г.

²⁾ Ивановский — эмигрировал в Румынию, где в качестве врача среди бедноты приобрел большую популярность; он был шурином В. Г. Короленко, который посвятил ему прекрасный некролог (в «Р. В.» за 1911 г.). «Странность его письма» состояла в его фантастических планах спасения России. Он также собирался тогда вернуться нелегально в Россию, чтобы работать с народолюбцами, хотя по натуре был мирнейшим и добродушнейшим человеком.

и Вера безусловно согласны. (С Жоржем и Розой я еще не говорил об этом, но уверен, что и они безусловно согласятся.) Наднях же приведем твое предложение в исполнение, т.-е. сами напишем проект заявления к немец. (соц.) демокр. от имени «Исп. Ком.» и с приложением выдержки из «Revolté» и «Soc. Dem.» пошлю россиянам с настоятельным предложением напечатать наше (или в этом роде) обращение. Я предварительно пошлю его тебе на прочтение. Вообще мне это твое предложение очень нравится. Ужасно жаль, что нет Дм[итра] ¹⁾ на свободе: тогда наверно удалось бы это сделать так, как нам хочется, они, даже не дожидаясь выхода №, напечатали бы от «Исп. Ком.» такое обращение, в котором, между прочим, можно бы ругнуть этого... Кроп[откина] за поддержание Скобел[ева] ²⁾ и бросание ложного света на всех русских революц[ионеров]. Глазам не веришь, до чего можно дойти с такой анархией!

Вера еще вчера ходила специально к Э. Реклю за справками о Палестине ³⁾. Он обещал ей, что сам тебе подробно напишет и даст все нужные указания. Между прочим, он сказал ей, что Палестина — неподходящая для переселения страна, что евреи и там могут завести и заниматься одной лишь торговлей и эксплуатацией туземцев. Наиболее пригодная и плодородная местность — Верхняя Галилея, но требует больших предварительных ирригационных работ (для орошения). Вообще, земля там находится

¹⁾ Т.-е. Стефановича.

²⁾ Относительно Скобелева и союза с немцами, насколько могу припомнить, дело состояло в том, что этот белый генерал, приехав в Париж, произнес в обществе славянских студентов страшно шовинистическую речь против немцев. П. А. Кропоткин в издававшемся им в Женеве анархическом листке («Le Revolté» — Бунтовщик), расхвалил Скобелева, собиравшегося разгромить пруссаков и подписать мир в Берлине. Статья Кропоткина крайне возмутила всех марксистов. Бебель, помнится, обратился к П. Б. Аксельроду с вопросом о том, все ли русские революционеры относятся столь же враждебно ко всему немецкому народу? Как видно из моего письма, я и В. Ив. намерены были посоветовать «Испол. Ком.», с которым мы переписывались, опровергнуть написанную Кропоткиным статью. Став марксистом, я начал агитировать за невозможное большее сближение — союз с германской соц. партией, что вскоре и произошло.

³⁾ Оказывается, следовательно, что задолго до появления проповеди известного основателя сионизма, д-ра Герцеля, П. Б. Аксельрод задумал переселить евреев в Палестину. Как ниже увидим, он в этом смысле собрался написать брошюру. Поводом к этому послужили разразившиеся в России погромы и выпущенная «Исполн. Ком.» «Нар. В.» антиеврейская прокламация на украинск. яз. (см. подробнее в «Прол. Рев.» № 8 (20).

в частной собственности у туземцев, и ее можно лишь купить, если, конечно, те захотят продать ее. Затем там имеет большую силу русский консул, который, по словам Реклю, будет стараться стеснять евреев, так как там масса русских ханжей, у которых, вероятно, будут часто стычки с евреями, раз они нахлынут...

Присылай свою брошюру. Даю тебе слово, что я к написанному тобою там, как и вообще к вопросу о евреях, отнесусь серьезнейшим образом; то же, уверен, сделают Жорж и др. Напрасно ты думаешь, брат, что мы к этому вопросу относимся менее серьезно, чем к другим.— № 8 [«Нар. Воли»] мы еще не получили, а потому попроси Гурев[ича]¹⁾ отложить свое намерение до его получения, чтобы он уже мог привести заявление о евреях, [«Исп. Ком.»] — Дм[итра] мне писал: это заявление, благодаря твоим настояниям, будет в том духе, как ты [т.-е. я] желал, и вполне сглаживает неприятное впечатление, произведенное писаниями Романенки, против которых все здесь возмущены». Оказывается, что этот длинноногий писал и прокламацию на малор. яз., и заметку о ней во «Внутр. Обоз.», № 6. А еще южанин и «ученый»! Они, народолюбцы, до приезда в Москву Дм[итра] и др[угих] южан, думали, что так и нужно написать, раз «южанин», да еще приехавший из-за границы и цитирующий при этом Маркса, Гегеля и Блюнчли, стоит на этом. Даже, не зная всех этих обстоятельств, помнится мне, я так и объяснял тебе этот казус.

Нарочный своевременно получил в условленном месте (под Берлином) книги и поехал с ними далее. Последнее письмо его было с русской границы, откуда он писал, что ужасно занят их переправкой; но удалось ли это ему, не знаю еще, хотя это письмо было уже более двух недель назад. Не думаю, чтобы он как-нибудь мог немцев задеть, так как из Германии он, ведь, их вывез благополучно, да, наконец, он и не имел ни одного их адреса.

Очень рад и благодарен тебе за высылку просимых мною брошюр: они, видишь ли, мне (и Жоржу тоже) нужны ввиду нашего намерения серьезно взяться за эту часть для наших рабочих и интеллигенции. Кроме того, *настоятельно* прошу тебя иметь в виду книги (на немец. и франц. яз.) по истории социа-

¹⁾ Гуревич, Григорий—друг П. Б. Аксельрода, являлся ярым его сторонником в этом вопросе. Теперь он известный еврейский националист за границей.

лизма, каковой я теперь *исключительно* и хочу отдаться. Если тебе попадаются книги, относящиеся к этой отрасли, то прошу тебя, если нельзя их взять на время, хоть сообщи, откуда их выписать. Пока не раздобудешь ли следующие: [идет перечень]... Также меня, конечно, интересуют книги по истории рабочего движения на Западе. Одним словом, имей серьезно это в виду и оказывай, прошу тебя, нужную мне помощь. Я еще не получил присл[анных] тобою брошюр,—завтра будут. Не знаю, есть ли среди них брошюра из первых времен зарождения Интернационала? Имей такие в особенности в виду. Вообще я очень был бы тебе благодарен, если бы ты потолковал с Каутским или с кем другим, более знакомым с этими отраслями, что бы он тебе дал нужные указания, чтобы не приходилось разбрасываться, читать много хлама и лишнего. Конечно, это не к спеху,—можно сделать это между прочим.

Вера просит тебя сообщить ей, послал ли ты немецкие бланки Клячке ¹⁾? Адрес Игнатова (Menton, Alpes Maritimes.) Но он, кажется, уже уехал теперь с сестрою в Италию, откуда в апреле он придет сюда, так что ты лучше подожди ему писать или пришли мне твое к нему письмо, а я, как получу от него письмо, перешлю ему. Ну, кажется, обо всем. Впредь пиши нам и посылай «Соц.-Дем». непосредственно: (следует адрес.)

Кланяюсь всем. Твой Евг.

III.

3-го апреля 1882 г.

Дорогой Павел! Все твои соображения по поводу брошюры к евреям от «Исп. Ком.», конечно, основательны и если бы я или кто-нибудь другой из здешних взялся за писание ее, то, несомненно, руководился бы ими. Но вопрос ведь пока еще не так стоит: мы не имеем еще ответа на наше коллективное письмо, в котором, как помнишь, предлагаем им здесь написать и отпечатать эту брошюру; пока не получится их ответ, нельзя ни предпринять ничего, ни снова приставать, навязываться им со своими предложениями: посмотрим, что они, вообще, скажут о наших взглядах и намерениях. Наконец, даже и с технической стороны

¹⁾ Клячко бывш. член московских чайковцев; эмигрир. в С. Америку; вернувшись оттуда, поселился в Вене; помогал в устройстве сборов в пользу «Загр. Красн. Кр.».

я не могу теперь ни о чем написать им, так как у меня (и у Веры) всего два адреса к ним, на которые мы уже написали и до получения ответа не можем еще писать. Но допустим, что они согласятся на наше предложение, вообще, написать брошюру к евреям, что нам кажется вполне вероятным, тогда вопрос—кому ее писать? Жорж не станет, так как говорит,—не знаком с этим вопросом, и без того завален всякой литературной работой (ему Михайлов[ский] писал, чтобы он скорее приготовил первую статью (о Ротбертусе), а вторую—к следующей книжке. Кроме того, он мне уже обещал в продолжение этих месяцев написать «Что такое Социал.?»). Я, конечно, также не возьмусь за такую работу. Остаешься ты и Лавров. Вот вам двоим и придется списываться и переговариваться; мы же, когда получим их [народовольцев] согласие, можем только предварительно выслушать вами выработанный план, внести поправки, если, конечно, таковые найдем нужными, и отослать на окончательную санкцию народов[ольцев]. Вот и вся наша роль. Если же «Исп. Ком.», паче чаяния, не согласится на наше предложение, то мы с Жоржем надумали от себя выпустить такую брошюру «от группы русских социалистов-революционеров к еврейской массе», за подписями Лаврова, Веры, Сергея, Жоржа (твоей и моей, пожалуй, тоже). На это, несомненно, все эти громкие имена, «Копы [т.-е. умные головы—по-евр.], согласятся и, хотя будет иметь меньшее *практическое* значение, чем если бы брошюра была от «Исп. Ком.» или даже от менее громких лиц, но живущих и действующих теперь в России,—все же, однако, для нравственного успокоения евреев, что не все против них, думаю, это будет иметь [значение]. А ты как об этом думаешь? Этот проект, повторяю, мы имеем в виду, в случае отказа «Исп. Ком.».

Теперь о твоих брошюрах о «рабоч[ем] движ[ении]». Повторяю, в сроке не стесняйся: можешь их писать, первую—месяца в два, но желательно было бы, чтобы не больше, т[ак] к[ак] в типографском и перевозочном отношении более длинный срок был бы не выгоден; [на] вторую—совсем тебе срока не диктую, а, когда поспеешь,—к концу ли лета, осенью ли,—но также не позже. Затем, вот что еще: сестра Вас[илия] Ник[олаевича] сообщила мне, что данные ею тебе 300 руб. заимобразно, как ты просил, она жертвует (конечно, когда ты в состоянии будешь их отдать) на нашу типографию, на печатание всякого рода брошюр. Я же предлагаю тебе из этих денег половину считать пла-

той за готовящиеся тобою брошюры, а остальную половину, когда будешь иметь, внесешь мне (или Ивану ¹⁾) для типографии. Прошу тебя, милый Павел, не отказывайся от этой комбинации, на которую Евд[окия] Ник[олаевна] (сестра Вас[илия]) вполне согласится (я ей напишу) и сбрось с плеч $\frac{1}{2}$ долга, смотри на эту плату, как на *должное*, как смотрит Сергей [Кравчинский], который, в ответ на мое предложение написать брошюру, говорит, что «ни он [и] никто из нас не может и не должен работать для революц[ии] даром, ибо у нас нет рента». С этим я вполне согласен, и надо стремиться, чтобы труд для революц[ии] также оплачивался, хоть сколько-ниб[удь]. Поэтому я прямо заявляю тебе, что и не возьмусь за печатание твоих произведений, раз ты заранее не согласишься взять $\frac{1}{2}$ присланных тебе Вас[илием] денег. Знай, что этим ты не обидишь ни Евд. Ник., которой это абсолютно безразлично, ни типографии, для которой довольно будет и $\frac{1}{2}$ пожертвованной суммы. Итак, я уверен, что ты согласишься; поэтому, заявляю Ивану, что в его кассу пожертвовано Евдокией Никол. Игн[атовой] столько-то. Не так ли? Ответ же. Других новых известий, кроме мною уже сообщенных тебе, из России нет. Когда будут, конечно, поделюсь. Брошюры твои получил. Спасибо. Жорж просит, чтобы ты ему выслал брошюрку... [следует название]. Будь здоров. Кланяюсь Наде ²⁾. А также и Вера.

Целую. Евг.

IV.

Божь над Клараном.

? апр. 28 г. 89.

Дорогой Павел! К крайнему моему сожалению, я не могу поделиться с тобою содержанием пересланного тобою письма, не потому, чтобы в нем были «высшие государственные тайны», а просто потому, что и я сам не все разобрал: в нем целая прорва

¹⁾ Иван Васильевич Бохановский, участник Чигиринского заговора, бежавший со мною и Стефановичем из Киевской тюрьмы и эмигрировавший за границу, откуда уже не возвращался, стал там наборщиком. Когда я основал для «Нар. Воли» типографию в Женеве (см. «Пр. Рев.» материалы по пет. гр. «Оев. Тр.»), то пригласил его стать заведующим ею.

²⁾ Надя—Надежда Исааковна, урожд. Каминер., жена П. В., дочь довольно состоятельного, но обремененного большой семьей врача, изредка получала от родных небольшие суммы. Все же П. В. с семьей всегда ужасно бедствовал (см. мою рецензию по пов. его воспом. в «Прол. Рев.» № 10 (22). 1923 г.)

цифр; я и Вера, сколько не трудимся, вот уже который день, ничего не разобрали из написанного цифрами; а обыкновенным манером сообщают только, что «все наши письма получены, что не исполняют многого из наших предложений, п[отому] ч[то] не до того иногда бывает». Верино сообщение о ходе дел Крас. Кр. находят «грустным». Но в деньгах, очевидно, теперь не нуждаются, т[ак] к[ак] пишут: «пока денег слать незачем». Обещают скоро написать подробно и меня приглашают ехать. Ну, вот и все из написан[ного] обыкнов[енными] буквами. Какая мне досада, что цифр не могу разобрать. На-днях будем отвечать, и кстати Вера напишет о предложении Фольмара¹⁾. Если имешь что передать туда, посоветовать, то поспеши с ответом (на адрес Ивана в Женеву, куда я на-днях и еду и где и посещусь вблизи типографии ради ее благоустройства и благосостояния).

Брошюру свою можешь написать в 2—3 печ. листа *малого формата* (т.-е. как, напр., немецкие брошюры Энгельса *Umweltzung*) или из русск.,—немного меньше Шейде, твоих же писанных страниц думаю, будет 70—80). Впрочем, не стесняйся размером,—лишь бы было все к месту, а когда пришьешь ее, увидим. Особенно спешить тебе с нею незачем, чтобы ты потом не жаловался, что срок был малый: лишь бы была «на первый сорт».

Вере Фольмар очень понравился и, вообще, она стала придавать серьезное значение переговорам с немцами, почему и решила даже взяться за чтение «Social-Democr'a» (какой прогресс!). Я не виделся с Фольмаром и жалею об этом, так как Вера и Джорж, застигнутые, так сказать, врасплох, и будучи недолго с ним, почти ничего не узнали от него, ни о чем не расспрашивали его. А между тем, очевидно, что у немцев есть что-то на уме. Вообще, напиши теперь обстоятельно о немцах на основании твоих разговоров с Бебелем и цюрихскими [соц.-дем.]: можно ли ждать от них, как от партии, сигнала к революции? Насколько

¹⁾ Фольмар, известный соц.-дем. тогда редактировал выходивший в Цюрихе, вследствие господства закона против социалистов в Германии, центральный орган немец. социал-дем. парт. «Соц.-Дем.». Он предложил нам через П. Б. составлять по письмам, газетам и пр. статьи о России для этого органа. Тогда Фольмар был одним из самых крайних и, понав в Рейхстаг, в качестве депутата, произвел прекрасное впечатление своей первой речью в защиту русских террористов. «Будь у нас такие же ужасные условия,—сказал он, помню, между прочим,—мы также прибегли бы к террору».

Спустя некоторое время, он приехал в Кларан, чтобы познакомиться с В. Ив. и Г. В.,—я в то время не был там.

они теперь держатся революционной постановки? Способны ли теперешние депутаты заявить открыто в парламенте о своей солидарности с русскими *социалистами*, если бы это понадобилось? и т. д. Тогда Вера и я напишем обстоятельное послание Льву и, б. м., народов[ольцы] придадут серьезное значение этим переговорам, что мне, как ты знаешь, давно желательно. Ну, напиши же поскорей и поподробнее. Присылай стенограф. отчеты интерес. речей депутатов, вообще и, особенно, касающиеся России и «нигилистов», в частности.

V.

Бези над Клараном.
21 апр. 82 г.

Дорогой Павел! Нам всем очень жалко, что ты остаешься при своем решении насчет еврейской брошюры. Я лично не говорю, чтобы она была вредна в той программе, которую ты мне сообщил, [хотя] кое с чем я и не согласен, но мы все потому бы ее не хотели, что (как я уже писал тебе и [вновь] повторяю) желательно всем нам быть до того солидарными, до того тесно сплоченными друг с другом, что, раз бы на кого-нибудь из нас обрушились нападки с чьей бы то ни было стороны, мы все могли бы печатно везде заявлять, что одинаково ответственны за данный поступок. Мы с Жоржем, напр., на-днях очень, очень жалели, почему тотчас после появления № 7 «Нар. Вол.» с нападками на тебя ¹⁾, не послали им своего заявления о полной своей солидарности с твоей речью и, в случае отказа, напечатали бы это заявление в других. Быть может, мы еще и теперь это сделаем, смотря по ответу «Н. В.» на наше коллективное письмо, хотя и находим, что несколько запоздали и что только распространим эту дурную их выходку. (Сергей в своем письме к народо-вольцам страшно нападает на них за этот их поступок с тобою.) Вот, в видах *такой* именно солидарности, мы и не хотим твоей брошюры, так как раз бы появилась злая на нее критика (а такая возможна), то мы уже не в состоянии были бы заявить, что с нею вполне солидарны, потому что все мы расходимся с тобою в этом пункте. Ты говоришь, что у «немцев даже не до-

¹⁾ Как я уже сообщил, эти нападки, вызваны были непонятой народо-вольцами хвалебной речью П. Б. на Хурском конгрессе по поводу их деятельности.

ходит до того, чтобы партийная и личная связь должна была до такой степени подавлять индивидуальные взгляды». Не спору, быть может, у них и не доходило, но мы советуем тебе не писать этой брошюры не столько из партийных, сколько из *личных* соображений маленькой группы бывших чернопередельцев, которая поставлена в исключительные условия, и чтобы она сколько-нибудь могла влиять, делать что-нибудь, она должна быть крепко сплочена, ужасно солидарна, а «добросовестное высказывание индивидуальных мнений по поводу, мол, массы», как ты пишешь, будет противоречить этой солидарности, и именно потому, что дело идет тут не о каком-нибудь пустячном вопросе, а о «миллионах соплеменников». Мы, как социалисты-интернационалисты, вовсе не должны признавать особых долгов по отношению «соплеменников», а потому присоединение твое к юдофильствующему «Рассвету» насчет вопроса о переселении в Палестину, нам вовсе не нравится. Мы, конечно, не говорим, что нужно индифферентно отнестись к теперешнему возбуждению среди евреев, но у нас должна быть общесоциалистическая постановка, стремящаяся слить национальности, а не еще более изолировать ее [еврейскую], как таковую. Поэтому раз хочется тебе так писать «соплеменникам», то уже, конечно, не в Палестину советуй им выселяться, где они только еще более закоснеют в своих предрассудках и, размножившись чрез несколько поколений, снова нахлынут в Европу, где их также встретят, как теперь, так как они и в Палестине не сбросят своих особенностей. По-моему, раз выселяться евреям, то — в Америку, где они слились бы с местным населением.

Я согласен с твоими доводами, что «Нар. Вол.» следует одновременно обращаться и к русскому обществу по вопросу о евреях, и, когда получится ответ на наше письмо, напишу им об этом.

Относительно печатания твоей брошюры в нашей типографии, раз ты все-таки останешься при своем решении, можно, конечно, устроить это без всякой боязни получить нарекания, так как это дело чисто финансовое. Но все же я ее хотел бы предварительно прочесть, после чего послал бы ее Ивану в печать: это не из цензурных соображений по отношению к типографии, которая не ответственна, а 1) просто самому хотелось бы знать, какова она и во 2) для всяких соображений насчет времени печатания других материалов, имеющих уже в типографии в

виду. (Теперь там печатается «Манifest» от «Соц.-Рев. Биб.», на-днях окончатся и биографии от «Кр. Кр.». Но, если ты торопишься, то пошли прямо Ивану, при чем мне только сообщи, тогда я ему напишу, чтобы он оставил ту работу, которая не к спеху. Адрес его ты знаешь.

Кстати, сообщи, к какому сроку желаешь ее получить, будешь ли держать корректуру, каким шрифтом ее печатать (у нас есть 12, 10 и 9; думаю, что лучше 10, — меньший объем будет занимать и читать хорошо), какого формата (например, как Шефле или как «18 марта») и в каком количестве экземпляров?—Перевозку можно также устроить нам, что выйдет дешевле, чем послать нарочного, лишь бы ты взялся переправить ее через швейцарско-германскую границу и было указано место, куда ее в России доставить.

Присылай Вере отчеты [об] америк. кризисе. К вам переселяться пока не думаем, так как лето хотелось бы лучше здесь провести. — О здоровье брат мне не пишет. Я ему ответил, но не знаю, отдали ли ему мое письмо. — Да, ты забыл сообщить, сколько из Крас. Кр. денег дал на перевозку, — это мне нужно для отчета. — Вот о чем прошу тебя *настоятельнейшим* образом: собери, пожалуйста, *все*, какие только когда издавали, соц.-дем. брошюрки, и пришли их мне. Можешь даже закупить их из денег Кр. Кр., — сообщи мне только, сколько они стоили, я внесу здесь. — Я и не думал, что ты скорее, чем через месяц—полтора напишешь первую брошюру о движении. Ну, кажется, обо всем. Все кланяются и целуют тебя.

Твой Евгений.

VI.

Женева, май 1882 г.

От центра получили письмо: кроме всяких поручений, они сообщают, что «разногласия у нас с ними, действительно, не существенные» и что они объясняются «нашей оторванностью от России», но что «работать вместе можем», а потому зовут тех из нас, которые могут ехать. — Я, впрочем, не вполне еще его прочел,—многого не разобрал, так как оно скверно написано химпю. Когда все разберу, сообщу подробнее. — О нарочном сообщают, что он, не доехав в Москву, арестован и писем (и пр. следовательно, — я не разобрал) не доставил. — Ну, вот и все.

...Относительно вызова сюда Льва [Тихомирова] не думаю решительно, чтобы это могло состояться, и я не стану ему предлагать этого без очень серьезного повода, хотя и согласен с тобою, что хорошо было бы, если бы центр был обьевропейшимся.

Относительно еврейской брошюры, мне кажется, во всяком случае, ты мог бы уже списаться с Лавровым, т.-е. предложить ему написать таковую не от имени Комитета, а так, от твоего и нашего. Если же получилось бы согласие «Исполн. Ком.» на наше предложение, к которому и Сергей присоединяется, о чем он заявляет народов[ольцам] в своем письме к ним, то можно было бы ту же, вероятно, брошюру выпустить — от Ком. Изложи ему это, если ты согласен с моим предложением.

Я уже писал тебе, что бы ты выслал мне «Побег», которые еще зимою я тебе послал, — они мне очень нужны и сейчас же. Здесь, видишь ли, мы (т.-е. я и Вера) задумали выпустить маленькую книжку рассказов, которая, вероятно, выйдет на следующей неделе, как издание «Красного Креста». В нее войдут: перепечатки из «Нар. Воли» № 8 — 9: «Тюрьма и ссылка» и «Хроника арестов», присланные из России: биография Гриневицкого и одна поэма Саблина; также хотели мы напечатать один побег и кое-какие последние известия по слухам и из писем, а также «список пожертвованных, поступивших в Загранич. Отд. Красн. Креста». Этой книжке мы думаем дать общее название «На родине»¹⁾ и предназначаем ее, главным образом, для заграницы, где она может разойтись в небольшом количестве экземпляров. Думаем, что не дурно было бы, [если бы] Гуревич перевел лучшие из нее рассказы и, при содействии немцев, вы издали ее также отдельной брошюрой от «Красного Креста», чтобы доходы и издержки, следовательно, пошли на его счет. Как ты думаешь? Впрочем, решишь, когда получишь книжку. У нас есть уже кое-какой материал и для второй такой же книжки, которую, смотря по результату с первой, можно будет месяца через полтора — два выпустить. — Так пришли же немедленно «Побег». Ну, будь здоров. И не сердись на меня за предыдущее письмо, — я ведь по-товарищески откровенно написал тебе, что думал и чув-

¹⁾ «На родине» — небольшой неперидический журнал, главным образом посвященный описанию жизни заключенных и ссыльных, издававшийся мною и В. Ив. Засулич в Женеве в 1882 г.; всего вышло 3 номера.

ствовал. Клапаяюсь всем. Что слышно насчет корреспонденций, о которых ты нам писал?

Твой Евг.

Если имеешь какие-нибудь интересные сведения из частных писем, о том, что делается в России, то сообщи, — поместим в этой книжке.

VII.

Божн (над Клараном).

Нач. июля. 82 г.

Дорогой Павел! С чего ты, брат, взял, что я рассердился на тебя? Ни чуточку, милый друг. Я не пишу часто, потому что не о чем, а также и потому, что стараюсь как можно менее ухлопывать времени на переписку, которая, несмотря на все мои старания быть как можно скупее и даже неаккуратнее, все же отнимает не мало времени; а я, брат, теперь за «науку» взялся: все читаю и читаю, когда только не мешают. Ну, вот, видишь, где причина моего молчания. Да и тебе, думаю, не до переписок: небось, хлопот всяких масса по хозяйству, и вечные заботы о хлебе насущном. Как-то твои финансы обстоят? Что «хлебного» ты строчишь? И не думай присылать 200 фр. Решки¹⁾: ей, как и матери, куда приятнее было тебе лично их оставить. Ты даже не в праве отдавать их «Кр[асному] Кр[есту]», который от этого богаче не станет, а тебе с семьей они куда-как пригодятся...

Из России от товарищей никаких известий нет; впрочем, М. Н.²⁾ уверена, что типогр. не взята. Ты пишешь, что приехал Н. Лопатин, бежавший из Сибири. Так вот о чем просим его через тебя: пусть он опишет все, что знает о положении ссыльных и каторжан, — всякие эпизоды, случаи и свой побег, — это для «На родине» № 2, который скоро выйдет; ничего, если не особенно литературно изложит, — важны сведения, факты, — слог сможем тут отделать. Это очень-очень нужно, необходимо, скажи ему [это], настоятельно попроси его, чтобы сейчас же засел и поскорее изложил все годное к печати. Повторяю, я и Вера об этом очень просим.

1) Умирая, М. К. Решко просила мать отправить очень нуждавшемуся П. Б. Аксельроду эту незначительную сумму, оставшуюся после покрытия их расходов.

2) М. Н.—Мария Николаевна Ошанина (или Марина Никаноровна Полонская)—одна из наиболее выдающихся членов «Исп. Ком.» пар. «Нар. Воля».

В Женеве я не скоро, вероятно, буду, — не раньше $\frac{1}{2}$ августа, да и то на день — два, так что наборщика [из] «Чер. Пер.», о котором ты пишешь, чтобы я с ним повидался, не увижу.

«Слово» я не мог раздобыть, у кого ни спрашивал, — напиши Зиберу, — может, у него есть. В середине августа я, вероятно, буду у тебя в Цюрихе, куда приеду, как я тебе при свидании говорил, чтобы свидеться со Страсбургским юношей ¹⁾, перед его возвращением на родину. Это почти что наверно и пробуду у тебя, вероятно, с неделю, так что ты, брат, занимайся теперь побольше, чтоб быть посвободнее, когда я приеду, и не удивляйся, что я этот месяц не буду тебе много писать, — буду откладывать на свидание с тобою. — Гуревичу я ответил на его письмо о евр. брош[юре], — жаль, что эта затея так затянулась. — О Чартизме должен знать источники Чайковский, который, кажется, даже писал специальную статью в легальн. журн., так ты к нему обратись. Адрес его — на его письме, которое тебе Вера шлет. Ну, до скорого свидания, брат. Будь благополучен и успевай в занятиях. Кланяюсь всем твоим. Не забудь о просьбе к Лопатину. Целую тебя.

Тв. Евг.

VIII.

Женева, 15 июня 83 г.

Дорогой Павел!

№ 1-й. Давно уже собираюсь написать тебе большое письмо, но до сих пор положительно не имел возможности — по многим причинам. Мне хотелось подробно изложить тебе происходившие у нас здесь с Тигром ²⁾ разговоры по поводу наших отношений. Дело в том, что, несмотря на хорошие, мирные отношения наши с Долинским ²⁾, мы все же — не одно и то же, не члены одной организации. Но, раз сообщая с нами народовольцы приступили теперь к изданию журнала, мы, т.-е. Жорж, Вера, Роза и я захотели окончательно [выяснить] вопрос о присоединении бывших чернопередельцев к народовольцам. Решили мы это как потому, что крайне неприятно всячески действовать под фирмой «Народной Воли», не будучи в действительности членами ее организации,

¹⁾ Так мы называли кандидата естеств. наук А. Тилло, занимавшегося какой-то отраслью в Страсбургском унив., очень сочувственно относившегося к нам и оказывавшего нам много услуг.

²⁾ Тигр, Тигрич и Долинский — псевдонимы Льва Тихомирова.

так и потому, что тогда мы, будучи равноправными лицами, больше могли бы сделать в духе наших воззрений, хотя и под ее фирмой, в каковой мы видим важность лишь вследствие завоеванной ею популярности. Вот почему, при начале рассуждений о приступе теперь к изданию журнала, — когда Тигр, вследствие полученных ими нескольких сот [а, может быть, и тысячи] рублей и всяких обещаний, почувствовал большую почву у себя под ногами, — мы завели разговор об окончательном заявлении (печатном) о нашем присоединении, в виде письма в редакцию, как я предложил, в котором мы, бывшие чернопередельцы, сообщили [бы] что, ввиду делавшихся нам запросов и носящихся в публике слухов о происходивших переговорах по поводу присоединения, — мы считаем, мол, нужным заявить, что оно, действительно, состоялось на таких-то основаниях (в духе, помнишь, нашего коллективного письма к народолюбцам). Вполне соглашаясь с полезностью и даже необходимостью такого заявления, Тигрич, однако, утверждает, что, по конституции их организации, не может состояться присоединение целой группы, какую мы из себя представляем, что вступать в их *организацию* (а не партию) мы можем по одиночке, только распавшись, как группа. Тогда мы категорически заявили, что в таком случае никто из нас к ним не присоединится, что мы из-за существующего у них устава не станем распадаться, что мы можем присоединиться только все разом, как группа, и что в этом духе мы и понимали происходившую у нас с ними в прошлом году переписку на счет присоединения. Поэтому, раз они желают оставаться верными написанной конституции, то мы не желаем играть в глазах публики двусмысленную роль: действовать всюду и всегда в качестве народолюбцев, не будучи ими по праву, не пользуясь правами таковых. Потому и впредь, не отказываясь помогать им, чем сможем, мы не будем никогда печатно выступать так, чтобы нас могли принимать за народолюбцев (например, Жорж не может печатно заявлять себя редактором, Вера — секретарем и пр.); мы оставляем за собою право, когда найдем нужным и возможным, публично выступить в качестве самостоятельной группы с таким названием, какое пожелаем.

Формулировка этих наших окончательных пунктов условия нашего присоединения состоялась дня три тому назад, — как раз перед отъездом Тигра на неделю—1½ в Париж, для переговоров с Лавровым и с М[арьей] Н[иколаевной]. Как они

там решат, мы пока не знаем; но мы окончательно решили раз навсегда ясно определить нашу роль и права, и от вышеприведенных условий, конечно, не отступим. В крайнем случае, т.е., если бы они продолжали стоять на-своем, что мы можем присоединиться к ним лишь каждый врозь,—мы, отказавшись от этого предложения, действительно, должны были бы выступить, как самостоятельная группа, как это ни неприятно и невыгодно для общего хода русского социалистического движения. Но, я думаю, что как им ни нежелательно, чтоб мы, вошедши в их организацию и приобретши этим право повернуть многое на свой лад, (нужно тебе заметить, что, несмотря на внешнюю, кажущуюся солидарность (с народовольцами),—как они, так и мы сознаем, что, по существу, мы сильно отличаемся друг от друга),—они принуждены будут сделать требуемые нами уступки: они побоятся остаться без чрезвычайно полезных им сотрудников во всех могущих теперь быть предприятиях.

О дальнейшем ходе переговоров, конечно, сообщу тебе. Пока же мы условились с Тигричем, что будем продолжать сообща взятые нами на себя функции, от которых мы, было, отказались впредь до окончательного решения вопроса о присоединении. Теперь Жорж продолжает считаться редактором, хотя, в случае несогласия насчет присоединения, его имя будет выставлено лишь в качестве постоянного сотрудника, как и твое и других; Вера во всяком случае отказалась от возложенной на нее обязанности секретаря, потому, как вполне основательно она замечает, что, не состоя в редакции, она не может вести переписки с сотрудниками и Лавровым о принципиальных вопросах, касающихся их статей, и эту роль, как и до сих пор, будет выполнять кто-нибудь из редакторов (так, Жоржу приходится теперь вести большую письменную полемику с Лавровым по поводу сбивчивости мыслей и терминов в его статьях и программе, писать Русанову, в каком духе он должен построить свою статью и пр.); что же касается чисто внешней стороны,—времени присылки статьи, ее размера и прочее, то это непосредственно касается заведующего типографией и печатанием, и разделять эту функцию между двумя лицами—значит лишь усложнять дело, строить лишние инстанции. Поэтому, пока последняя часть секретарской функции лежит на мне (впредь адресуй по посланному мною адресу). На мне же—[лежит] заведывание типографией, экспедициею здесь, за границей и в России, также—[корреспонденция, денеж. дела] кор-

ректур и еще всякие другие [административные функции], что у меня будет отнимать массу времени и чему я вовсе не рад; но некому другому предоставить [все] это.

Что касается плана твоей статьи, то я уже, кажется, сообщал тебе, что он [нам] вполне нравится; размер ее пока трудно определить: это—смотря по количеству другого материала, но, во всяком случае, не больше 1½ листов нашего формата, т.-е. [всего] 36 стр. Относительно срока тоже определить точно не могу, но, полагаю, твоя статья потребуется не раньше середины июля.

Вообще, раз у нас произойдет полное соглашение с Тигром и другими (на счет нашего присоединения, а не воззрений, потому что мы с Жоржем, откровенно тебе сказать, думаем, что никогда народовольцы не сделаются сознательными социалистами, марксистами, [а останутся] бланкистами, энергичными и предприимчивыми революционными заговорщиками), — то журнал хорошо пойдет и, вероятно, долго просуществует, если внешние условия не помешают. Средства, думаю, также будут притекать, и можно будет хоть понемногу оплачивать сотрудникам. — Ну, да увидим.

А пока, кроме консервативных привычек Тигра, помехой к хорошей постановке журнала является Лавров. Не говоря уже о том, что он не согласился на выработанную зимою Жоржем, при содействии Веры, Жука, Эльсница и Тигра, вполне определенную социалистическую программу журнала, он прислал свое «объявление об издании», в котором написано все, чего хочешь, — сбивчиво, неопределенно; в присланной им статье «Задачи Социализма» такая путаница идей и терминов, что может привести просто в отчаяние, а между тем он не соглашается ни на малейшие поправки со стороны других редакторов. — Вот не знаю, удастся ли Тигру теперь с ним столкнуться окончательно, чтобы не выходили впредь крупные несогласия.

Ваш Евг.

IX.

Женева, 3-го июля 83 года.

№ 2-й. Дорогой друг! Твое последнее письмо, в котором ты высказываешь свое мнение о присоединении к «Народной Воле», пришло очень кстати. Как и можно было ожидать, Тигрич, потол-

ковавши в Париже с Марьей Николаевной, пустился с нами в дипломатию: в ответ на наше ему заявление (перед отъездом его в Париж), он вскользь сообщает, что будто бы ими «найден в уставе пункт о «союзнических группах», по которому мы можем к ним присоединиться, и что уже написано об этом в Россию. В то же время он всячески (и чрез Лаврова) старается убедить Жоржа подписаться редактором «Вестника Народной Воли», так как, мол, это покажет публике, что все направления соц.-рев. партий сошлись, и так как дожидаться ответа из России придется долго, а первая книжка уже печатается. Но мне, так же заявившему ему перед его отъездом, что до получения окончательного ответа о присоединении группой... я согласен лишь временно исполнять должность заведующего типографией и проч., — так как это отнимет много времени, — он, по приезде, наоборот сообщил, что «ввиду моего отказа, из Парижа едет сюда человек для замещения меня». Словом, они пускаются на свои старые приемы бланкистско-нечаевской интриги, неискренности, подвохов, не желая нашего присоединения, как группы, хотя об этой нашей постановке, они, конечно, давным-давно знали от нас, когда мы писали им наше коллективное письмо и когда беседовали с Марьей Николаевной в прошлом году; очевидно, им казалось, что мы или забудем об этом, или силою вещей принуждены будем, один за другим, пристать к ним. Группового же нашего присоединения они, конечно, не хотят, зная и боясь давления нашим единодушием. Теперь им более всего желательно притянуть к себе Жоржа; они это и делают. Во мне же они видят причину теперь затеянных нами переговоров и считают меня «помехой». Они и думают на меня, желают отдалить от всяких дел, сделать меня безвредным. Хотя, помнишь, всего осенью предлагали [мне] вступить в их организацию и даже в «Исп. Ком.». Словом, повторяю, поведение их возмущает своей неискренностью, нетоварищесством по отношению к нам, которые последние два года всеми силами стремились содействовать им, выступали, как народовольцы, не будучи ими по праву. Между тем ни в одном вопросе, ни даже в мелочах, мы не видим с их стороны никакой уступчивости. Вот почему мы решили серьезно потолковать между собою, что предпринять, и все последние дни, вместе с приехавшим сюда Вас. Никол. (Игнатов) вели переговоры, на которых решили следующее: ввиду неопределенности, сбивчивости теоретических воззрений народоволь-

цев, их шаткости в социализме и их бланкизма, мы могли бы присоединиться к ним только всей группой, когда имели бы шансы своей солидарностью влиять на них, если бы они оставили свои печавские приемы в своих отношениях с близкими. А так как мы пред отъездом Тигра в Париж заявили ему, что теперь же считаем возможным для себя выступить самостоятельной группой под какой-нибудь фирмой, то мы и должны это сейчас же сделать, не дожидаясь больше будто бы имеющего получиться ответа из России.

Выступить мы можем, как литературная группа, издающая пока под определенной фирмой брошюры современного, научно-социалистического характера, придерживаясь известной последовательности... Издав, таким образом, ряд серьезных брошюр, мы уверены, что скоро привлечли бы на свою сторону сочувствующих и завязали бы сношения с Россией, откуда, получив поддержку, могли бы уже выступить с самостоятельным органом вполне солидарного по статьям и сотрудникам марксистского направления. Так как характер брошюр все же мало определял бы цвет и воззрения лиц, составляющих эту группу, по отношению разных современных вопросов, то нами решено, что первая брошюра должна быть принципиальная, так сказать, программная, указывающая наши воззрения на социализм, политику и пр. и критикующая господствовавшие и господствующие среди русских теории и ошибки. Эту брошюру взялся написать Жорж. Второй будет «Развитие Социализма» Энгельса, и на эти две деньги на печатание и на оплату за труд (по 75 фр. за самостоятельный и по 20 фр. за перевод) обеспечены. Что же касается нашей программы, то решено приступить к ее выработке при общем свидании всех нас в августе, когда и ты должен будешь приехать, о чем спишемся еще подробнее, так как теперь Василь не может определить числа: он не знает, позволит ли ему здоровье; вообще, он довольно плохо выглядит, и мы опасаемся, протянет ли он долго.

Таким образом, как видишь, мы решили быть самостоятельной, солидарной группой, связанной общностью воззрений, товарищескими приемами в отношениях друг к другу и общим делом. Беда только, что мы никак не можем придумать удачного названия для нашей группы; Жорж предлагает: «русские социал-демократы», но мы все находим это название невыгодным, больше с практической точки зрения, так как, при

существующих у публики предрассудках, это название на первых же порах оттолкнет от нас очень многих; кроме того—это чересчур подражательно, неоригинально, претенциозно и как бы навязывает нам те же вполне приемы деятельности, которые немцы практикуют, а это и невозможно пока у нас, вследствие политических условий России и ее особенностей и, вообще, вовсе не желательно, чтобы потерялся сильно революционный дух русского движения. Но никакие другие названия, которые мы придумывали, не подходящи, и Жорж все высмеивает. А это очень важная вещь. Не удастся ли тебе что?

Теперь насущный для нас вопрос—заведение своей наборни, так как в народовольческую, во-1-х, нам носа нельзя сунуть, во-2-х, она постоянно будет занята всякими «Вестниками» и пр. Это, конечно, печальная вещь: мы ее устроили, мы же теперь и должны заводить наново другую. Но что прикажешь делать: это нам урок за наше преждевременное рвение. Во всяком случае, из-за типографии, конечно, задержки не будет, так как всегда можно печатать у Трусова ¹⁾, хотя там несколько и дороже обойдется, чем в своей. Буду разузнавать, нельзя ли как-нибудь войти в сделки с владельцами типографий, чтобы в рассрочку приобрести шрифт. А когда это удастся, то Гецова думаю перевести к нам, потому что он, как идейный человек и по твоей рекомендации,—мы с ним еще не ознакомились,—согласится, конечно, на всякие условия, в том же мы, ознакомившись, привлечем его, вероятно, и в нашу группу. На всякий случай, имей в виду и других наборщиков с такими же свойствами и, вообще, подходящих людей.

Вообще, Павел, поломай и ты голову над придумыванием всяких данных, ресурсов и комбинаций, чтобы мы, действительно, могли выступить сколько-нибудь серьезной и солидарной группой, не только по единству убеждений и товарищеским отношениям друг к другу, но и по твердости, энергии и инициативности. Правда, при твоих условиях, ты делаешь много в этом направлении, и мы часто хвалим тебя здесь (например, за собрание около себя людей, чтение им рефератов по социализму, за сношения с [немец.] социал-демократами); но нельзя ли чего еще более существенного придумать? Мы, признаться,

¹⁾ Трусов—старый эмигрант, владел большой типографией, которую не помню когда и каким образом приобрел ее. О нем мне еще придется ниже говорить.

часто жалуем, что ты не с нами здесь. Вот и сегодня Жорж— он высказывал это же много раз—говорил, что, будь ты здесь, и имей мы хоть маленький определенный фонд, вы с ним могли бы редактировать небольшой периодический органчик,—листов в пять—в шесть,—научно социалистический, который своей определенностью направления и солидарностью руководителей его скоро приобрел бы симпатии,—он в этом уверен. Ну, да это дело будущего, быть может, и не особенно отдаленного; будь средства, возможно было бы это и при твоём пребывании в Цюрихе.

Он, вообще, очень недоволен разношерстностью редакции «Вестника Народной Воли», в котором он все же состоит неофициальным редактором, что ему неприятно, и, несмотря на его отпрашивания, никак не может от него освободиться. С тобой же он чувствует себя вполне солидарным, и напрасно ты опасешься его излишнего централизма: он вполне согласен с тем, что это не принцип, и крайне невыгодно его выдвигать и затрагивать, чтобы не отстранить от себя оппозиционные элементы.

В «Вестнике Народной Воли» он пишет: 1) О Социализме и политической борьбе, 2) О еврейском вопросе у нас,—эту тему он прямо вырвал у Тигра, желая показать в этой статье всю нелепость дикого отношения к евреям, и 3) библиографическую заметку о вышедшей недавно книге Аристовой—биография Шапова.

Ты свою статью, мне кажется, мог бы теперь несколько сузить, так как, ввиду нашей серии брошюр, тебе, вероятно, придется скоро написать отдельный очерк рабочего движения, а неловко было бы в брошюре повторять или только расширять уже раз напечатанное. Поэтому, мне кажется, не было бы достаточно тебе, написав краткое вступление, прямо в этой же статье рассказать уже о положении рабочего и социалистического движения в Германии, после социалист. закона. Впрочем, конечно, за темами для отдельной брошюры у тебя останковки не будет, а потому, раз тебе мое личное соображение не кажется существенным, то и продолжай свою статью по тому плану, какой ты себе составил.

Итак, в следующем месяце мы с тобой, вероятно, увидимся. Я и Вера желали бы также повидаться и с Надей, если бы ей возможно было сюда приехать, но вам, вероятно, нельзя бросить семью. А, между тем, ознакомившись здесь со всеми и, если бы мы, действительно, затеяли сколько-нибудь серьезное дело, то

и для нее нашлось бы занятие, и она перестала бы продолжать считать себя «стоящей в стороне». Со средствами пока у нас дело стоит довольно плохо: у Василия Николаевича денег уже вовсе нет, а живущий с ним теперь брат, имеющий немного денег, хотя и разделяет все наши воззрения и цели, но для себя не видит в нашей группе серьезного занятия, почему пока не соглашается вступить в нашу группу.

Между тем, с теми немногими франками, что у нас теперь имеются, нельзя даже приступить к устройству типографии, не говоря уже о готовящихся работах. Мы больше рассчитываем на Россию, куда на-днях поехал один молодой парень, сошедшийся с нами в воззрениях перед отъездом; с ним мы дали письмо к так называемым народникам (по его настоянию), в котором, изложив наши воззрения, предлагаем стремиться к соединению с «Народной Волей» на определенной (в духе нашего прошлого коллективного письма) программе и только группами, кружками, а не в одиночку; если же это невозможно, то предлагали прислать сюда делегата, с которым мы могли бы условиться, как самостоятельно поставить литературное дело и пр.

Вообще, как видишь, мы закопошились, действуем. Я, однакож, боюсь, что при нашей все же оторванности от России и безденежности должны будем скоро признать себя бессильными действовать в направлении создания серьезной социалистической группы, которая имела бы влияние на дальнейшее развитие и укрепление социалистической идеи в России. Ну, да все же будем, насколько возможно, энергично стремиться к этому. А пока, целую вас обоих крепко. До скорого, быть может, свидания.

Твой Евгений.

Письмо это, как и предыдущее, сохрани: авось впоследствии пригодится, для чего я и выставляю на нем № 2. *Тв. Евг.*

Примечание к IX письму.

По поводу названия нашей группы П. Б. Аксельрод в своих воспоминаниях, между прочим, написал: «Не мешает отметить здесь, что и самих оппонентов Плеханова смущала еще, повидимому, мысль об открытом и полном солидаризировании нашей группы с германской социал-демократией. Уже в июне 83 г. Дейч писал мне в Цюрих, что назвать себя социал-

демократами нам «невозможно»... вследствие политических условий России», и что вообще *вовсе не желательно, чтобы потерялся сильный революционный дух русского движения*» (стр. 438).

При сколько-нибудь внимательном и беспристрастном отношении к указанному месту моего к нему письма, добросовестный читатель, полагаю, увидит, что П. Б., произвольно выдернув и несколько изменив две фразы, придал им совсем не тот смысл, какой я в них вложил. Прежде всего, я не писал, что «назвать себя социал-демократами нам «невозможно», а написал: «мы все находим это название *не выгодным больше с практической точки зрения*», что уже представляет значительную разницу. Затем я указал на угрожавшую нам *на первых порах* опасность оттолкнуть от себя многих, вследствие господствовавших в нашей революционной среде предрассудков и нерасположения к немецким социал-демократам, которые еще незадолго перед тем своим отношением к нашему движению возмущали нас всех, в том числе самого Аксельрода и Плеханова ¹⁾. С этим не могла не считаться вновь возникавшая крохотная, слабенькая группка, которую и без того встретили крайне враждебно.

Далее с понятием «социал-демократы» во всем цивилизованном мире тогда связывалось представление об определенной, мирной парламентской партии и ее деятельности при почти полном умалчивании ею о каких-либо решительных, революционных приемах борьбы. В своем письме я указал Аксельроду на то, что ввиду политических условий России парламентская деятельность в ней невозможна, а потеря «революционного духа нашего движения *вовсе не желательна*». И в том, и в другом пункте я, конечно, был безусловно прав: парламента у нас не было, а «революционный дух», заимствованный нашими марксистами от предшественников, дал у нас блестящие результаты. Между тем, П. Аксельрод теперь, по прошествии 40 с чем-то лет, забыв и перепутав почти все наше прошлое, представляет мою мотивировку в таком виде, будто бы *нас самих* «смущала еще, повидимому, мысль об открытой и полной нашей солидарности с германской социал-демократией!» Насколько помню, он также в то время согласился с нами, что неудобно нам назваться «социал-демократами», как согласился без всякого спора и Плеханов, *немедленно* отказавшийся от своего предложения. Это, однако, не мешает П. Аксельроду теперь приписать нам, оппонентам (т.-е., следовательно, и себе), «смущение», чтобы не «солидаризироваться идейно с германской социал-демократией!» В действительности же, как видно из моих к нему писем, я более, чем кто-либо другой

¹⁾ См. об этом мой очерк «Как Плеханов стал марксистом», стр. 32—34, а также статьи П. Аксельрода в «Общине», озаглавленные «Итоги германской социал-демократии».

из членов нашей группы, еще задолго до нашего разрыва с народовольцами, придавал огромное значение наивозможно полной солидарности с германской социал-демократией.

X.

(Нет $\frac{1}{2}$ листа.) В июле 83 года. Женева.

Я долго спорил с Тигричем, чтобы они не объявляли о выходе «В. Нар. Воли» раз в два месяца, а советовал им объявить — раз в три, так как глубоко уверен (и это уже подтверждается), что, дай бог, чтобы выходил через три с половиной, четыре месяца. Но они, как запутавшийся банкрот, рассчитывающий на впечатление данного момента (что, мол, публика проникнется почтением, услышав о выходе раз в два месяца), не задумываются о противоположном впечатлении, когда ожидания публики будут сильно обмануты, чем внушается недоверие к обещаниям издателей и от чего страдает само предприятие. Руководствуясь этим же соображением, мы в том лишь случае должны приступить к изданию серии брошюр, когда у нас будут обеспечены [средства], по крайней мере, на 6—8 солидных произведений, считая в среднем по 5 листов (так как популяризация Маркса Жоржем будет в 10 л.), т.-е., — как я рассчитывал, с оплатой по 75 фр. за труд писателя, — рублей около 2.500 (кроме уже обещанных нам около 1.000 рублей). Значит, вопрос о нашем существовании — сводится всего к гарантированию нам 2—3 тысяч рублей в продолжение года — $1\frac{1}{2}$, одновременно или ежемесячно (160—200 р.). Этот-то вопрос только и занимает нас, и, пока решение его не придет ни откуда, мы не выступим с изданием брошюр, хотя бы и имели на две—три, что всегда сделали бы народовольцы.

Как видишь, мы вовсе не думаем ни конкурировать с «Нар. В.», ни служить ей помехой. Конечно, куда лучше пошло бы дело как самого журнала, так и «Библиотеки» [науч. соц.], если бы мы действовали заодно с «Нар. В.», если бы не дробили средств и сил. Ты знаешь, как я всегда стоял за такую общность, как старался и тебя с Жоржем и Верой убедить в этом, но, к сожалению, мы все теперь здесь убедились, что они решительно не дают нам никакой к тому зацепки, никакой с их стороны нет склонности к уступчивости. Возьмем затею с журналом: ни наше несогласие с «объявлением» Лаврова, ни с заглавием, ни наше желание, чтобы было напечатано заявление о нашем присоеди-

нению к «Нар. В.», ничто, словом, не уважено. И так несуразно, по-бланкистски мотивируется всякий их отказ, что вчуже тяжело, даже обидно становится. А в то же время выходит, что мы все же должны употреблять все наши усилия и средства на поддержание их предприятий, [действовать] во славу их организации, их «фирмы»! Что в том, что Жорж не подпишется редактором? Все же его и твои статьи (и с подписями) будут; к тому же в «Объявлении» говорится о стремлении соединить под знаменем «Нар. Воли» все оттенки, все направления. И публика, конечно, еще более, чем теперь, будет отождествлять нас всех с «Нар. Волей», что, смотря по выгоде в том или другом случае, народо-вольцы и будут эксплуатировать. Нет, как много и серьезно мы ни думали, а нам нужно во что бы то ни стало начать свое предприятие. Но раз у нас не будет средств, какие мы находим нужными, чтобы начать, то нам, конечно, останется ступешаваться навсегда, как ступешавались лавристы, набатицы и пр., что, понятно, нам не мешает быть солидарными между собою и впредь, но никакого будущего, как за *группой* современно-социалистического направления, за нами уж не будет.

Ну, кажется, на этот раз я все твои колебания и сомнения разъяснил или—вернее—наглядно показал безвыходность нашего положения, так как 3-х тысяч нам ведь ни откуда не достать; а, следовательно, нам все равно придется действовать и стараться во славу «Нар. В.», так как не сидеть же нам, сложа руки, не отказаться же вам с Жоржем давать свои статьи «Н. В.» и пр. Но, что же делать? Такова уже [наша участь].

[Конец пет.]

Эти мои несимметрические опасения, как известно, не оправдались. В приведенных выше письмах изложены главные обстоятельства, предшествовавшие возникновению группы «Освобождение Труда». Правда, они далеко неполно передают все прошлое,—более обстоятельно оно изложено в моей статье «О сближении и разрыве с народо-вольцами» (в № 8 (20) «Прол. Рев.»). Но зато эти письма, составленные под свежим, непосредственным впечатлением происходившего, являются несомненными документами, свидетельствующими об истинном ходе наших сношений с народо-вольцами, которые привели к разрыву с ними и к возникновению группы «Освобождение Труда». В этом отношении мои письма могут играть роль дневников одного из участников происходивших 40 с чем-то лет тому назад перипетий, в чем полагаю, нельзя не признать их значения.

XI.

Июль 1883 г.

Как я уже писал тебе, не желая терять всего своего времени на хлопоты по делам типографии, не будучи членом присоединившейся *группы*, я заявил об этом, на что, несмотря на сообщение нам Тигром о будто бы посланном ими письме в Россию, — мне, однако, объявлено было, что из Парижа едет сюда человек заместить меня, и я лишь должен сообщить о своем отказе Мар. Ник. Я тотчас же это сделал, подозревая в то же время, что это заявление делается мне в виде угрозы, что, мол, «можем обойтись и без вашей помощи, если не начнете просить нас об оставлении вас». Долго они возились с присылкой этого человека; наконец, на-днях он, действительно, явился и введен мною в отправление его обязанностей.

Это — неглупый юноша [по названию Полин], но совсем неопытный в этой функции, зато безусловно преданный и верный раб «Нар. Вол.», что для них всего важнее. Ввиду их просьбы, я, конечно, помогаю пока ему всякими указаниями, советами и думаю, что скоро он вполне освоится, хотя, говоря откровенно, он не в состоянии будет выжать из всего того, из чего я смог бы, — говорю это, несколько не думая возвеличивать себя или его унижать.

Словом, теперь я совсем свободен, и раз у нас не будет своего предприятия, то неизбежно все те источники, из которых мы могли бы кое-что черпать, придется так или иначе указывать и отдавать «Н. В.». Теперь относительно твоих переговоров с тамошними твоими товарищами.

Ты, конечно, можешь заявлять о нашем неприсоединении, о нашем намерении начать самостоятельное предприятие, мотивируя это тем, что, хотя у нас не существует уже таких резких разногласий, как в 79—80 г. г., но все же мы стоим на марксистской точке зрения, народовольцы же — на бланкистской; это — 1-ое; с другой стороны, мы думаем, что присоединение к ним имело бы лишь тогда шансы на успех, то-есть на перетягивание народовольцев к научному социализму, когда не мы одни присоединились бы к ним, а все народнические группы в России; но так как народовольцы отрицают безусловно существование чего бы то ни было вне их, то необходимо народникам заявить себя хоть чем-нибудь. Словом, говори, что, не отказываясь содей-

ствовать «Н. В.», как все же самой активной и, во всяком случае, революционно-демократической организации, мы, тем не менее, не видим пока возможности присоединиться к ним и считаем чрезвычайно полезным предпринять ряд изданий в духе наших убеждений вне всяких сделок, взаимных соглашений; что мы присоединимся лишь на программе, соответствующей *нашим* основным убеждениям и в качестве *группы*; до тех же пор, как мы уже и заявляли народовольцам, будем лишь помогать им, оставаясь самостоятельной группой.—Ну, вот и все. Кажется, довольно ясно и верно с действительностью.

Напрасно ты думаешь, что у нас здесь могут произойти какие-нибудь изменения в постановке нашей затеи, под влиянием переговоров с народовольцами. Во 1-х, повторяю тебе, что у нас давным-давно окончены с ними переговоры, еще перед отъездом Тигрича в Париж, а, по возвращении, он нам заявил лишь две фразы: 1) что, будто бы, ими написано письмо в Россию и 2) что из Парижа едет сюда человек на мое место — и *только*; с тех пор он ни к кому из нас не показывается из Морнэ (деревушки вблизи Женевы) и не пишет. Вот и все переговоры. Во 2-х мы ни в коем случае не согласимся ни на что другое, а лишь на заявление *о присоединении к организации «Нар. Воли» группы*. Для нас всех ясны, как божий день, все их поведение, все их расчеты, а также наше собственное положение. Мы отлично знаем, что они не согласятся на наше присоединение *группой*, пока их не побудит к тому какая-нибудь выгода, расчет, например, надежда получить через нас какие-нибудь особенные средства и пр. А так как этого не будет, так как, будь у нас средства, мы сами предприняли бы на *с в о й* лад издание, то и нечего ждать их «ответа» из России, и мы сами, можешь быть уверен, не станем более заикаться ни о каких переговорах, так как это было бы оскорбительно для нас, показалось бы раскаянием, просьбой «принять» нас на всяких, каких им угодно, условиях.

Ну, кажется, уже ясно и подробно изложил тебе все. Я вполне понимаю всякие твои сомнения и опасения, раз ты вдали и не присутствовал при наших переговорах. Но после этого письма ты смело можешь действовать, где и когда случится, в духе нашей постановки, не дожидаясь особого *mandat impératif*'а. Если бы, паче чаяния, вдруг что-либо случилось,—хотя, по-

вторую, мы вовсе на это не рассчитываем и, во всяком случае, ни на что выходящее из мною здесь начертанного плана,—то я, конечно, не замедлю тебя уведомить.

XII.

27 июля 83 г.

Не писал я тебе, дорогой Павел, потому, что выжидал окончательного ответа от братьев Игнатовых насчет того, могут ли они достать сумму, необходимую для существования нашей группы в продолжение года— $1\frac{1}{2}$. Из прилагаемого письма ты узнаешь ответ тебе незнакомого, младшего Игнатова, Ильи, недавно сюда приехавшего. Не получая долго от них ответа, и так как я почти не знаком с Ильей, у которого, вообще, имеются деньги (у Василия его деньги все вышли уже), между тем как Жорж был с ним $5\frac{1}{2}$ лет тому назад приятелем,—мы и решили, чтобы Жорж к нему съездил в Эгль и прямо, откровенно переговорил. Оказывается, что и ему он заявил то же самое, т.-е. что «в этом году он, Илья, абсолютно ничего не может достать, а относительно будущего года не знает ничего определенного и просит считать его лишь «близким к нашей группе». Со временем, поучившись,—он едет в Париж,—если и у нас будет дело, он, вероятно, будет с нами, пока же пользы от него нашей группе будет очень мало, если не сказать—никакой. Парень он хороший, но, как и Василь, инициативный, предприимчивый. Василь же будет состоять членом нашей группы, но век его не долгов: он сильно хворает и опустился за последний год.

Таким образом, почти потеряв, как нам казалось, довольно надежную поддержку с их стороны, мы должны теперь решить, как нам быть, что предпринять. Ввиду полной невозможности и категорического нашего решения никогда не соединяться с народовольцами (чего мы им, впрочем, не хотим еще заявлять), даже если бы они того теперь захотели,—нам нужно так или иначе начать существовать открыто. Поэтому, мы склонны уже не быть столь «основательными», как нам бы хотелось, т.-е. мы готовы так или иначе приступить к печатанию, хотя бы одних брошюр под определенной фирмой, раз только получим какой-нибудь ответ из России на посланное нами через одного парня письмо.

Ну, вот, как видишь, я сообщаю тебе все в точности о положении наших дел.—На днях здесь была Марья Николаевна, лишь

мимоходом показавшаяся к нам. Разговоры с нею, конечно, были, но мы ни к чему, понятно, не договорились. Она прямо заявляет, что опасается (тоже будто бы ей из России пишут!), не имеем ли мы намерений, войдя в «Нар. В.», произвести в ней «переворот», повернуть ее на свой лад. Окончательного ответа, говорит она, еще не получила, и дело о нашем присоединении может выясниться «лишь через 4—5 месяцев», ввиду всяких обстоятельств. Вообще, говорит она, в нашей помощи они теперь не нуждаются, так как за границей теперь довольно «чистых народолюбцев». Словом, совсем не тот тон и заигрывание, что было в прошлом году. Ну, и бог с ними! Нам бы теперь хотелось поскорее совсем с ними развязаться, т.-е. даже литературного участия не принимать в их журнале. Жорж говорит, что будет очень рад, если они его статьи ¹⁾ не примут, что очень вероятно, так как он в ней критикует, между прочим, и их.

Ты если у тебя нет особой охоты, мог бы прямо отказаться, мотивируя, что не успеешь или даже не желаешь писать, но в таком случае сделай это *немедленно*, так как твоя статья уже на очереди, и они будут в праве обвинять тебя (да и всех нас), что за нос их водили до последнего дня. Не будь с ними Лаврова, так и плевать бы на их обвинения, но старик ведь мало, вероятно, понимает их, и, видя только их, совсем на нас озлится, если уже не обозлен. Словом, решай поскорее и отвечай.

Материальные дела Жоржа несколько поправились: пока он достал 100 франков, надеется на-днях еще получить 250; словом, ты не присылай, если получишь, а лучше всего сделаешь, если прямо, не откладывая, — вдруг приедешь сюда повидаться, так как «конгресса», вероятно, не скоро дождешься. А нам было бы очень приятно потолковать и обсудить, как нам держаться с внешней публикой и пр. Ну, целую вас. До скорого, быть может, свидания. Очень может быть, что из Харькова ты получишь для меня деньги.

Ваш Евгений.

XIII.

1/VIII 83 г.

Дорогой Павел! Такое же письмо, как ты, получил и Жорж от Лаврова. Надо тебе объяснить происхождение его беспокойства насчет присылки вами ваших статей (или хоть «части»).

¹⁾ «Социализм и политическая борьба».

В разговоре с глазу на глаз с Марьей Николаевной (перед самым ее отъездом в Париж), на ее замечание, что «вот Жорж, как говорил Тигрич, согласен с «Нар. Вол.» и лишь в частности расходится»,—я ей ответил: «Насколько Жорж согласен с «Нар. Вол.», вы увидите из его статьи («Социализм и политич. борьба»), я же скажу вам, что целиком с нею согласен».—«Так разве Жорж критикует принципы «Нар. Воли»? спрашивает она.—«Не только критикует их,—сказал я,—а прямо заявляет, что у «Нар. Воли» нет принципов»¹⁾.—«Как?—воскликнула она,—и такая статья, думает он, будет помещена в журнале «В. Н. В.»?—«Не только думает, но я уверен, что его статья будет напечатана,—сказал я.—«Нет, не будет!»—заявила она.—«Посмотрим! Вот, разве что вы зайдете с заднего крыльца в редакцию и будете настаивать?»—спросил я.

Ну, вот она теперь и подбила Лаврова поторопить вас с присылкой статей, так как боится, чтобы вы умышленно не оттянули до последнего срока, а потом оказалось бы, что ваших статей нельзя уже принять. Теперь же в типографии еще есть материал для набора,—так мне всего вчера вечером (пишу утром) сообщил новый заведующий.

Относительно твоего ответа Лаврову, ловко танцующему на веревочке новой формации печавцев. По-моему, ты можешь ответить так, как пишешь мне, т. е. что статья твоя будет в 1/2 августа, а, главное, ввиду сообщения тебе из Женевы, что, по заявлению М. Н., вопрос о нашем присоединении не может быть скоро разрешен, так как, веледствие речи Дмитра²⁾ на суде, в которой он «заявляет себя монархистом»,—они, народовольцы, «опасаются, не хотим ли и мы поступить в «Нар. Волю» с заранее поставленной себе целью—свернуть ее на что-нибудь, «развернуть» ее, так как далее, по ее же словам, наше содействие им уже не нужно и пр., то ты и ставишь посылку своей статьи в зависимость от помещения Жоржевой, которая вполне выражает воззрения всей нашей группы. Об этом ты уже писал на-днях в Женеву и просил *передать* Тигричу (*прочсть* твое письмо к Жоржу—Тигричу. Жорж находит неловким, неудобным,—он

¹⁾ В своей статье он действительно написал, что «Нар. Воля» «самое беспринципное, хотя и самое революционное направление, которое было в России», но, когда статья эта была издана затем группой «Освоб. Труд», Плеханов, по совету всех нас, вычеркнул эту фразу. Л. Д.

²⁾ Стефанович.

хочет лишь сообщить ему о твоём ультиматуме). Жорж уже окончил ее и написал Василию Игнатьевичу (Тигр), чтобы он пришел сюда для ее прочтения.

Я думаю, что, несмотря на некоторые резкие фразы, статья его («Социализм и политич. борьба») все же будет принята, хотя, быть может, и с примечаниями от редакции. Мы же все хотели бы, чтобы они ее *не приняли*, так как это был бы самый лучший повод совсем порвать с ними, и мы тотчас же сдали бы в печать его статью, которая сразу определила бы наш характер и направление. Поэтому-то, не желая, чтобы они приняли статью Жоржа, я и сказал Марье Николаевне, что они ее *примут*; а она теперь, предполагая с нашей стороны какую-нибудь политику, интригу, не будет знать, как ей быть: требовать ли неприятия статьи Жоржа, даже если она вообще хороша, или допустить ее принятие, когда она, после моего заявления, думает, что мы этого почему-то особенно хотим? Но все же, повторяю, ее, вероятно, примут, и это будет очень неприятно. Впрочем, надеюсь узнать, и я тебе немедленно сообщу, хотя ты можешь сам попросить Лаврова сообщить тебе об этом тотчас же, так как ты ведь должен это знать для окончания своей статьи. Очень жалко, что тебе нельзя предварительно прочитать эту статью Жоржа. Ну, спешу кончить.

Твой Евгений.

XIV.

30/IX 83 г.

Дорогой друг! Твое огорчение по поводу сделанного (*мною*, а не Жоржем) примечания ¹⁾, меня очень удивляет. Я решительно не могу понять, чем ты тут недоволен. «От примечания несет неискренностью», говоришь ты. Конечно, с *нашей* стороны, т.-е. нам не вопрос о захвате власти помешал присоединиться, но нельзя же было напечатать, что *народовольцы не захотели на-*

¹⁾ Для восстановления в памяти читателей этого примечания, находящегося в выноске объявления «Об издании «Библиотеки Современного Социализма», привожу его здесь целиком.

«Ввиду неоднократно повторявшихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы «Черн. Пер.» с «Нар. Вол.», мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года, действительно, велись между обеими группами переговоры о соединении. Но, хотя два—три члена нашей группы даже вполне примкнули к «Нар. Воле», полное слияние не могло, к сожалению

шего присоединения группой? А почему же они не захотели? Да потому, как они говорили, что мы не *настоящие народовольцы*, т.-е. не верим в захват власти, о чем мы им сотни раз говорили, и не находим полезным применять ту тактику, которую они часто применяют. Иначе сформулировать причины несостоявшегося слияния *решительно* нельзя было, и все другое было бы еще более «неискренно», как я ни думал, потому что нужно было принять во внимание еще и то обстоятельство, что народовольцы могут печатно заявить, что приведенные нами причины *не верны*, а что они просто *не захотели* нашего присоединения. Если бы ты глубже вник в сложное наше положение по отношению к народовольцам, к которым пристали же наши товарищи (Дмитро, Булановы и др.) и с которыми мы ведь вели здесь 2 года заодно дела, то не знаю, написал ли бы ты, что можно было придумать другую мотивировку, не боясь быть *печатно* опровергнутыми, что для нас на первых порах было бы крайне скверно. Здесь, когда я Жоржу, Вере и Розе прочитал примечание, то они нашли его хорошим, но Жорж был, вообще, против *делания* примечания, находя это нелитературным приемом, не идущим к объявлению; мы же, наоборот, настаивали на нем в виду практических соображений, так как публика спрашивала, недоумевая, почему мы вдруг выступаем отдельной группой, и мы чувствовали, что буквально повредим себе, не объяснив этого хотя бы в двух-трех словах. Наконец, я послал тебе корректурный листок в письме, и если бы ты прислал телеграмму, то мог бы остановить печатание, которое состоялось лишь два дня спустя. А то ты вдруг теперь выражаешь огорчение, не сообщая даже, как *потвоему* [надо] было мотивировать несостоявшееся [наше] слияние. Мне, понятно, и теперь очень желательно знать, чем в сущности ты недоволен? Как было бы лучше? Я, конечно, согласен, что большое неудобство жить редакторам врозь, но такой случай, как данный, навряд [еще] будет, так как вторично ни «Объявления», ни каких других заявлений не придется посылать

состояться, как читатель может увидеть из брошюры «Социализм и политическая борьба»; это слияние затрудняется нашим разногласием с «Нар. Вол.» по вопросу о так называемом «захвате власти», а также некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. Обе группы имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать в огромном большинстве случаев рядом, попоная и поддерживая друг друга».

экстренно с отъезжающим; во всех же остальных случаях всегда можно заранее списаться.

В рукописи статью Жоржа тебе послать нельзя, так как он ее по кусочкам поправляет по мере надобности и сдает в типографию; в корректуре же, конечно, вышло тебе. Не думаю, однако, чтобы в них нашлись принципиальные погрешности, после того, как мы все хорошо знаем воззрения Жоржа и, в частности, что он в этой статье проводит. Что же касается отдельных «фраз и выражений», то их, по-моему не следует трогать, оставляя их на ответственности подписавшегося автора, раз, конечно, они выражены правильным русским языком, в чем, по отношению Жоржа, нельзя усомниться. Поправкой фраз не занимаются даже соредакторы легальных журналов.

Все это я расписываю тебе затем, чтобы ты, читая статью Жоржа, не вдавался слишком в детальную критику и отмечал лишь уже крайне кажущиеся тебе *неверными* в принципиальном отношении места, хотя таких, повторяю, думаю, у него нет.

Жорж спрашивает, почему ты находишь, что «Объявление», видно, писано на скорую руку? Хотя, правда, он его написал скоро, но думает, что там нет ничего «наскоро». Лучше в таких случаях указывать, иллюстрировать свой вывод, а то и впредь нельзя будет знать, в чем, по-твоему, состоит погрешность. Здесь «Объявление» произвело различное впечатление: лица индифферентные находят его хорошо составленным; народовольцы, конечно, недовольны упоминанием, что «революционеры игнорировали деятельность среди рабочих»; Мейер—заика находит неуместным заявление, что мы «окончательно порываем с анархическими традициями». Но довольно об этом.

С Гриффестом ¹⁾ я уже много говорил (он у меня ночевал), и я доволен тем, что его планы насчет России вполне сходятся с моими. Не знаю только, насколько он умелый человек для проведения своих планов и желаний? Думаю, что в этом отношении ему может помешать недостаточное его теоретическое развитие (хотя он и не глупый парень) и неимение сколько-нибудь громкого революционного прошлого. Впрочем, раз у него имеются знакомые, которые хорошо к нему относятся, то он сможет кое-

¹⁾ Бывший чернопеределец, присоединившийся в эмиграции к нам, членам группы «Освоб. Тр.». Его мы наметили одним из первых делегатов в Россию для распространения наших изданий, сбора средств и т. п. (о нем см. в воспом. Гецова).

что сделать для нашей группы. Но всяком случае я целиком стою за его наискорейший отъезд и всеми силами хочу содействовать его выполнению. Поэтому, раз в продолжение этих 2—3 недель нельзя будет достать необходимые ему 300 франков (кроме имеющих у вас в Цюрихе), то я даже думаю рискнуть взять из тех 800 франков, которые уже имеются у меня для отдачи Трусову за типографию (в конце октября), хотя этот прием сопряжен, кроме риска, с неприятностью не выполнить данное слово и даже формально заключенного условия. Ну, да что же делать, когда нет других источников? А тут с его отъездом, все же больше для нас шансов, что что-нибудь выгорит.

Но, вот приехавшие вчера ко мне из России знакомые (дрезденские студенты, которые у тебя были), как знаешь, заявляют, что нечего ждать материальной помощи от народников, что они сами страшно нуждаются. Если это верно и относительно других мест, т.-е. севера, тогда нам грозит банкротство. Эти два парня произвели довольно хорошее впечатление, но толку-то от них мало пока. У нас уже судьба такая: сочувствовать—сочувствуют нам, а дойдет до дела—нет ничего. Какой-то все малодетельный, неинициативный народ, но вот мы их призовем, подготовим немного, смотришь,—как это было с Тилло,—они пристают к народовольцам, где подают голос за вскрывание наших писем¹⁾. Трагично, в своем роде, положение наше, и выхода пока не вижу из него.

Все это я пишу лишь затем, чтобы душу несколько отвести. Впрочем, не подумай, что я отчаиваюсь. Нет, нового-то я ничего такого не узнал от этих приезжих, чего бы раньше не предвидел. Наоборот, они даже предсказывают нам успех и все же обещают ту или другую помощь, которая, конечно, будет ничтожна.

Так или иначе, а Гринфест должен уехать. Ну, вот тебе все наши интересы и новости. Уже поздно. Все эти дни мне придется возиться с этими парнями,—«просвещать» их, чем я был бы, конечно, доволен, и не жалел бы времени, если бы надеялся, что из них выйдет для нас какой толк. А то сколько уже мне приходилось терять зря время на пользу народоволь-

¹⁾ В этом отношении, как потом оказалось, я сильно ошибся на счет А. Тилло: я предполагал, что он входил в петербургскую организацию «Нар. Воли», которая, по заявлению Марии Ник. Ошаниной, будто бы отправленное мне Стефановичем из тюрьмы письмо перехватила и вскрыла. В действительности же, сделали это Тихомиров с Ошаниной при посредстве Дегаева с Судейкиным.

цев! Они [парни] говорят, что у тебя оставили «Листок Нар. Воли». Пришли его мне: мы ведь его не видели. Когда они будут у тебя на обратном пути, то и ты просвещай их по части социализма и партий. Молоденького я все уговариваю, чтобы он на полгода остался здесь (или в Цюрихе) специально для ознакомления с социалистическим движением, что он вполне мог бы сделать, если бы только серьезно относился к нашим задачам, т.-е. пожелал бы явиться сколько-нибудь сознательным сторонником нашего направления.

Довольны ли [мы] присоединением цюрихской группы к нашему «департаменту»? Но боюсь, чтобы не пошли толки, что в нашем направлении находят себе приют люди, выдававшие своих товарищей (Корнфельд и Булыгин ¹). А такие слухи пойдут, вероятно. Подумай, Павел, хорошенько, нельзя ли что-нибудь предпринять против этого? Ну, всего хорошего.

Твой Евгений.

XV.

6/X 83 г.

— Дорогой Павел! Посылаю тебе письмо Лаврова к Жоржу. Прочитав его, мы убедились и вполне *все* согласились с тобою— это Жорж просит сообщить тебе— что, действительно, нужно «ткнуть читателя носом в суть дела», как ты пишешь, когда, после «Объявления» ² Лавров нам доказывает, что нужно организовать рабочих на почве пропаганды западно-европейского социализма (!), а что «на царизме, «религии» и «разбойничьих шайках—вредно»! И это после того, как мы заявляем себя сторонниками современного научного социализма, он вздумал нам доказывать! Положительно, старик выживает из ума и решительно не понял нашего «Объявления» или целиком писал его под диктовку Мар. Ник. и Тигрича, который уже переехал в Париж (куда уехал, не зашедши даже проститься ни с кем из нас, хотя он пробыл здесь несколько дней). Утверждения Лаврова, будто мы сами, будучи чернопередельцы, доказывали ему невозможность действовать в народе,— является умы-

¹) Тогда носились слухи, что эти два эмигранта малодушно вели себя на допросах.

²) Наше «Объявление» о возникновении группы «Освободж. Труда» и о намерении издавать «Библиотеку Соврем. Социал.» Л. Д.

шленным или неумышленным, с его стороны, смешиванием крестьянства с промышленными рабочими. О *первых* только мы ему говорили, что, при теперешних условиях, пропаганда крайне затруднена [среди них]. Словом, нужно ли доказывать, как нелепы все доводы и соображения этого старика. Жорж собирается в ответе разобрать все его пункты по косточкам. Поэтому, по прочтении, пришли это письмо Лаврова обратно. Возвращаюсь к твоим заметкам.

Ты, действительно, прав, говоря, что не нужно «полагаться на собственную мудрость читателя» (Жорж, впрочем, прибавляет, что «Лавров из всех читателей самый несообразительный»). Но, что касается твоих замечаний по поводу «Объявления», то мы совсем не согласны с ними. Конечно, мы расходимся с народолюбцами в исходных, общих обоснованиях наших программ и, хотя признаем, что из-за такого расхождения «литератор может сам по себе не примкнуть к другой группе», но, думаем, что *для группы*, собирающейся практически действовать, выставлять это причиной—нельзя: это то же самое,—говорит Жорж,—что, предположим, социал-демократы сказали бы, что разошлись с мострианцами по вопросу о «меново́й стоимости». Конечно, литератор может разойтись с другими и по такому существенному, обуславливающему его мирозерцание вопросу, из которого вытекает и разница в практических постановках и задачах. Но читателю, смотрящему на тех и других, как на революционно-действующие группы, заявление *об этом*, как о причине их расхождения, покажется лишь доктринерством и вызовет у него только смех: «вот, мод, нашлись, ученые, которые обрели истину—«научную подкладку»! «Это не революционеры, а студенты социологин», как и то уже говорят о нас Жуковский и др. К тому же из-за «троякого социализма» Лаврова и подведения убийства царя под категорию «борьбы труда и капитала»,—мы расходимся *ведь с ним*, а не с народолюбцами, которые хотя также не отличают сути марксизма, все же на «научное» обоснование политической борьбы Жоржа отвечали в примечании к его статье, что приветствуют эту «попытку»; поэтому они могли бы заявить, что они вовсе не против научного мировоззрения нашей группы. Читатель может понять и требует *практических*, конкретных причин расхождения революционных групп, а такой у нас, действительно, является вопрос о «захвате власти», что многие, как мы здесь видим,

вполне находят достаточно основательным поводом. Что же касается твоего опасения, чтобы не подумали, что мы под этой фразой разумеем «безнравственность» такой цели, то на это отвечает наша фраза в «Объявлении»: «окончательно разрываем со старыми анархическими тенденциями», к которой и сделано мое примечание. Наконец, в этом примечании мы ведь должны были лишь упомянуть о причинах, а не развивать их, что вовсе не идет к выноске, и что, как мы и ссылаемся, подробно будет развито в статье Жоржа.

Как бы то ни было, а изменять «Объявление», конечно, уже нельзя, хотя, может быть, те или другие твои фразы были бы вставлены, получишь они раньше. Но, хотя мы и думаем приложить «Объявление» к брошюре Жоржа, придется, вероятно, оставить его неизменным. Присланные тобою корректурные листы я отдал Жоржу,—он сказал, что «примет твои замечания в соображение» и пришлёт тебе вторую корректуру.

Приехавшие юноши производят недурное впечатление. Они по целым дням толкуются, конечно, около нас, и мы стараемся их «пропагандировать». Программу Жоржа я им прочел; они делали замечания—не глупые—по поводу малого места, отводимого в ней деятельности в крестьянстве, что, по их мнению, не понравится народническим кружкам и для успеха нашей программы; следовало бы, говорят они, послать в Россию такого человека, который смог бы хорошо отстоять ее. Вот в этом-то мы, конечно, не уверены относительно Гринфеста. Но мы надеемся еще «подготовить» его к этой роли. Юноши обещают нам помощь, в виде рублей по 40 в месяц, что, если бы они, действительно, аккуратно исполняли, могло бы уже обеспечить существование одного наборщика, и часть забот была бы таким образом снята.

В общем, я начинаю надеяться, что, так или иначе, а первый год часть нашей задачи—издание брошюр—будет выполнена, хотя этого, конечно, мало: нам необходимо издавать и «Сборник».

Жоржу судьба, кажется, начинает приветливо улыбаться: хотя он еще и не получил денег от сестры, но, вероятно, получит их, к тому же в сентябрьской книжке «Отечественных Записок» напечатана, наконец, его 1-я статья о Родбертусе, чему он несказанно рад, так как, кроме полочки остающихся рублей 100, она (статья) его сама по себе интересует, и он рад ее уви-

деть уже напечатанной. Если к тому же и твоя будет в «Деле», и Верин рассказ, а там—и моя, то мы с этой стороны тоже будем обеспечены, хотя бы на время. А там, может, поездка Гринфеста будет иметь какой-нибудь успех, тогда и совсем дело наше выгорит. Словом, как видишь, хоть надежды есть у нас.

Ну, как видишь, я держу тебя au courant ¹⁾ всего здесь происходящего. То же и ты всегда делай. Достань у немцев побольше адресов для России. Отчеты о суммах, полученных на издания, мы будем печатать на обложках, но не знаю еще, придется ли на первой. Ну, всего тебе, Наде и др. хорошего, крепко делую.

Твой Евгений.

XVI.

17/X 83 г.

Дорогой друг! Все твои замечания к статье Жорж находит вполне основательными, и его самого разобдало сомнение относительно его утверждения по поводу крестьянских бунтов. Поэтому он сегодня (в дождь и непогоду) сбегал в библиотеку и рылся в «Материалах по истории крепостного права» (официальные документы) и пришел к тому заключению, что «75% бунтов происходили только вследствие *неправового* государства», ссылку на эти «материалы» он и делает. Тогда же он искал здесь № «Soc. Democrat'a», где говорится об английской «Демократической федерации», но ни в немецком ферейне, ни у частных лиц этого № не нашел. Между тем он ему очень нужен для выписки, и из-за этого будет остановка с выходом его статьи, так как он находит эту ссылку очень важной. Поэтому будь уж так ласков, сходи за этим № или прошу Надю, или Рузю ²⁾ сходить (с запиской от тебя). Также был бы я рад, если бы начали присылать «Soc. Dem.» на адрес нашей типографии, а то я его вовсе не выдаю: Тамаркин с Полином куда-то его заваливают.

Нового у нас абсолютно ничего. Денег—ни откуда; знакомый Розы ³⁾ говорит, что все еще не получил, сестра Жоржа вновь написала, что скоро прийдет и т. д. Вот разве сообщить тебе,

¹⁾ В курсе.

²⁾ Надежда Исааковна — жена П. Б. Аксельрода; Розалия Исааковна — ее сестра.

³⁾ Розалия Марковна Плеханова.

что я с Сергеем уговариваю Веру переехать на зиму в Париж для заведения там знакомства, связей и пользования всякими зацепками, могущими пригодиться нашей группе и пр. А то ведь там у нас нет ни единого своего человека, имеющего в виду ловить всякие поводы для пользы нашей группы. Илья Ник. Игнатов, которому я говорил здесь и пишу в каждом письме, заявляет о своей «полной неспособности» к такой функции, да к тому же он слишком занят своею целью и очень мало — нашей группой. Вера могла бы очень многих привлечь к себе своей простотой, умом и прочими ее добродетелями. Она вообще не против этого плана, но и не хватается сильно за этот проект, хотя все же сама находит нужным попытаться воспользоваться массой наезжающих (особенно зимою) русских. Словом, если еще представится какой-нибудь случайный повод и откуда-нибудь [получим] нужные 200—250 франков (на костюмировку, дорогу и первое время), то она, вероятно, поедет. А для нашей группы, надеюсь, это будет иметь значение. Этот вот план — единственная пока новость ¹⁾.

Письма Лаврову Жорж все еще не написал: он занят со своей брошюрой, которую все здесь ждут уже с нетерпением. Еврейскую брошюру, он говорит, начнет скоро писать. Дальше он думает написать небольшую брошюру листа в 1½: «Что такое социализм?» (для рабочих); Вере он предлагает популярным языком изложить зарождение и развитие Интернационала (тоже для рабочих) и говорит, что тебе следовало бы то же сделать о том «Что такое социал демократы?». «А то, — говорит он, — заявляем себя группой, имеющей целью вести пропаганду среди рабочих, а пишем все только для интеллигенции!» В этом он, конечно, прав. Как надо понять: 2000 или 200? раз ты писал с тремя нулями, другой с 2 — большая разница.

О Карле Марксе из «Neue Zeit» не думаем переводить, хотя Жорж и настаивает: слишком сухо и вовсе не идет отдельной брошюрой, — столько же было о нем и в «Arbeiterkalender»e Энгельса. Что за интерес [рабочим], когда, какую и где книгу он написал? Это ничуть не похоже на биографию, — личности не видно. Словом, мы трое против, и нас большинство (видишь, как пользуемся голословием!).

¹⁾ Эта поездка В. Ив. Засулич не состоялась.

Ну, что, брат, убедился в подлинности своей статьи? Пришли «Дело» поскорее обратно, а то я обещал через 2—3 дня отдать его. Всего тебе, Наде и др. хорошего. Как ты со своими лекциями решил быть? Собираешься ли посещать ¹⁾? Ну, а как с обещанной нам брошюрой? Целую тебя крепко. Пиши почаще.

Твой Евгений.

XVII.

27/XI 83 г.

Дорогой друг! Я не только не в претензии на Варв. Иванов, ²⁾, что она осталась на вторые сутки, но, наоборот, очень даже рад этому, так как она могла, благодаря этому, дать возможность узнать себя и кое-чему, вероятно, поучилась у тебя. Никаких «распоряжений» ей по этому поводу я не давал, но будь, действительно, ей мною «предписано» (видишь, «сентжюстовский» язык ³⁾), не оставаться больше суток, то ты ошибаешься, думая, что мог бы отменить это распоряжение «своею властью»: «ты хотя тоже начальство» и даже «превыше меня стоящее», но в своей области, литературной. Посылка же «агентов» входит в мою, и тебе можно было бы сделать строгое «дисциплинарное» внушение за отмену распоряжения другого «начальника» и вмешивание в чужую область (как, помнишь, Фольмору досталось от Мотелера за Беди, кажется), чем могли бы быть распатаны «основы организации» и угрожала бы опасность для революции.

Но шутки в сторону. Ты вполне верно охарактеризовал нашу пионерку: мы все точно так же смотрим на нее, что не удивительно для нас, так как мы имели возможность ближе узнать ее. Никаких особенных надежд я на нее не возлагаю, даже, откровенно говоря, меньшие, чем все остальные, так как знаю ее (и ее обстоятельства) досконально. Будь она в наших руках подольше, другое дело, или будь у нас в России свои люди, к которым можно было бы ее направить. Теперь вся надежда на Гринфеста, если он ее найдет и сможет руководить ею. Меня же она, хотя, действительно, готова во всем слушаться, но оттуда не сможет: на таком далеком пространстве мое «магическое влияние» не

¹⁾ Зимой 1883—1884 г. П. Б. думал посещать некоторые лекции в цюрих. унив. по филос. фак.

²⁾ Варвара Ивановна Бородаевская—молодая тогда девушка—обещала, по возвращении в Россию, оказать нам материальную поддержку.

³⁾ П. Б. в шутку, конечно, называл тон моих писем «сентжюстовским».

простирается, хотя я по отношению к ней и «Сент-Жюст». А очень грустно будет, если из нее наша группа не извлечет пользы ¹⁾. Вообще надо тебе сказать, [что] я довольно пессимистично смотрю на наше положение: я ясно сознаю, что *пока у нас в России не будет хоть маленькой группы человек в 8—10*, до тех пор мы будем мертворожденными и не в состоянии будем влачить какое-нибудь существование, даже если бы откуда-нибудь вдруг и получили достаточную сумму на поддержку изданий. Что в том, что мы будем издавать брошюры, если в России не будет лиц, считающих эти издания своими? Если не будет группы, заинтересованной в *получении и распространении* их? Создать такую группу не может, конечно ни Варв. Ив., ни даже Гринфест. Из нас всех это могли бы сделать—ты и я, говоря без всяких преувеличений и самообмана. Но нам с тобой, конечно, немислимо теперь ехать в Россию. И вот почему я и настроен пессимистично.

Как бы то ни было, но надо из всех сил [стараться], чтобы проявлять свое существование, не возбуждая смеха в публике своими выпусками в несколько месяцев по брошюрке, наряду с толстыми 2—3-месячными №№ «Вестн. Н[ар.] В[оли]» и массы публикаций их внутри России (теперь уже вышел «Листок», № 4-й, несколько прокламаций и брошюр). Вот почему я хватаюсь за всякую возможность, чтоб хоть отсюда влиять на создание в России нужной нам группы. К сожалению, здесь решительно нет для этого материала, т.-е. мы не знаем и не имеем таких лиц, которых, «обворожив», как ты говоришь, «прелестями своей группы», можно было бы выпроваживать в Россию. Но в этом, по-моему, должна состоять наша цель теперь; мы должны всеми силами стремиться к этому. Ужасно жаль, что в Париже у нас нет никого, а то, может, кто-нибудь наклевался бы.

Ну, пока оставим судьбы нашей группы. «Алгебру революции» ²⁾, по разъяснению Жоржа, нужно понимать так: это такая готовая *формула*, под которую подставь только те или другие условия (данные), и ты получишь ту или другую революцию (как в алгебре, ту или другую величину x), т.-е., например, при таких-то условиях буржуазия должна была сделать свою революцию, пролетариат сделает свою. «Поэтому

¹⁾ Кажется, никакой материальной поддержки В. И. Бородаевская, действительно, не оказала группе «Освоб. Труда», после того как я был арестован.

²⁾ Это—выражение Герцена; приведено Плехановым в брошюре «Социализм и политическая борьба».

они сочувствовали всякому революционному движению и так дальше»—ясно следует из понятия об «алгебре революции». Надеюсь, теперь тебе ясно, т. редактор?

Читал ли ты статьи Жоржа в последних книжках «Отечественных Записок»? Прелеетно изложено. Деньги (около 600 рублей) он уже давно получил; но все, конечно, немедленно порассовал настоятельнейшим должникам (между прочим, 200 р. в Кр. Кр.). А немцам он думает отдать из денег сестры, но она все не шлет их.

Вера «большой повести» не пишет, так как огорчена тем, что в последней книжке «Дела» нет посланной ею маленькой, хотя, по уверению Сергея, это еще не означает отказа.

Второй твоей статьи я еще не видел. Первую читал, и она мне очень понравилась: ясно изложено и слог хорош, не в пример лучше «Социализм и мелкая буржуазия». Как только достану 2-ю, вышлю ее тебе.

Твой Евг.

XVIII.

8/1—84 г.

Дорогой Павел! Ты, конечно, уже ругаешь меня за долгое молчание; но я совсем не виноват: все эти дни у нас в Женеве было столько разнообразных развлечений, что, право, некогда было взяться за перо. Во-первых, сюда приехала на праздники Аня¹⁾ (и еще другая бернская студентка—некая Иванова, очень симпатичная барышня, вполне разделяющая наши воззрения, так что теперь можно надеяться, что и в Берне у нас создастся группа, которая будет помогать нашим предприятиям). С Аней мы также вполне столковались, и она вполне согласна считаться в нашей группе, что для нас бесполезно вообще. Затем, Жорж прочел здесь три реферата (в продолжение 4-х дней) о «Земле и Воле», которые произвели полный фурор, публика—в восторге, повсюду только о нем и разговора. Словом, в моральном и идейном отношении наша группа начинает завоевывать почву и в Женеве. На рефераты приходил и Драгоманов, не преминувший задавать ехидные вопросы, на которые Жорж отвечал очень сдержанно,

¹⁾ Анна Михайл. Розенштейн—Макаревич, впоследствии вышедшая замуж за Турати; она же Кулишова; примыкала к группе «Освоб. Труда». Живет в Милане.

спокойно и мирно, чем вполне заставлял Драгоманова конфузиться; но на последнем собрании Жуковский, бывший председателем, вдруг выскочил с колкостями [по адресу] Драгоманова, назвал его вопросы «провоцирующими», чем несколько повредил превосходному впечатлению, произведенному особенно последним рефератом. Я счел нужным заступиться за Драгоманова, — назвал выходку Жуковского неуместной и ведущей лишь к дразгам, которых нужно избегать. Впрочем, подробности узнаешь от Жоржа, который в конце этой или на следующей неделе поедет к вам, раз только будут деньги. Теперь у нас у всех ни франка, несмотря на большую симпатию к нам женевской публики. Но я все не теряю надежды, что нам откуда-нибудь свалится манна небесная в виде нескольких тысяч.

От Гринфеста я не получал ни слова: очевидно, письмо его пропало. Не имеешь ли ты чего? Ну, как же идут у вас дела? Устраиваете ли рефераты? Жорж, конечно, произведет фурор и у вас, чем сильно поднимет нашу группу в глазах цюрихчан. Когда же будут присланы сюда деньги Кр. Кр.? Ну, ввиду скорого отъезда Жоржа не буду больше писать, да и не о чем. — Посылаю тебе давнишнее письмо барышни, — другого не получил, и от дрезденского студента. — Всего вам всем хорошего.

Твой Евгений.

XIX.

12/I 84.

Дорогой Павел! Только что получил твое письмо и спешу ответить. Письма Гринфеста я, к сожалению, не получил; но приблизительно знаю, что он в нем просит выслать по 100 экземпляров брошюры Жоржа и Фр. Энгельса ¹⁾ на адрес Кенигсбергского студента, который мне написал о том, что я на следующей неделе и сделаю, так как брошюра Энгельса уже брошюруется. Очевидно, маленькими транспортами через этого студента можно будет посылать. Поэтому ты хорошо сделал, что сказал Мотелеру, что спросишь меня. Но, хотя «путь» и есть, все же им широко пользоваться нельзя. Поэтому спроси Мотелера, *какие* «gussische Schriften», *кем и куда* должны быть высланы? — Объясни ему причину этих расспросов, ввиду непрочности пути и труд-

¹⁾ «Развитие социализма от утопии к науке».

ности завести его.—Итак, на следующей неделе—во вторник, или в среду, максимум—ты получишь небольшой транспорт, который постарайся через социал-демократов¹⁾ перевезти на ту сторону и пошлите по следующему адресу. Если через соц.-демокр. будет дорого стоить, то, может быть, найдется кто-нибудь (например, Ефрон, знающий это дело), который специально переедет с чемоданчиком через швейцарско-прусскую границу,—так мы делали в Базеле; обходилось очень дешево и хорошо. Но это в том случае, если не дороже, а дешевле будет стоить, чем через соц.-демокр. Деньги на эту экспедицию затрать из тех 30 франков, которые собираешься сюда прислать.

На днях приехал сюда из Москвы тот молодой человек²⁾, о котором, помнишь, писал мне знакомый (моск. студ. Светлицкий); он уехал, не дождавшись моего письма, почему и не привез никакого определенного сообщения, мнения и пр. об отношении москвичей к нашей группе (не остановился в Цюрихе по той же причине: не имел твоего точного адреса и не знает немецкого языка). Рассказывает он довольно много, но ничего утешительного: страшный хаос господствует повсюду, особенно среди студенческих кружков, хотя что-нибудь делать, но решительно не знают что; ждут, как манны небесной, каких-нибудь опытных, испытанных людей, которые куда-нибудь повели бы их, дробление на кружки и кружочки — бесконечное; ко всему этому—полное безденежье. Таково же, по его словам, и положение народовольцев, если не хуже (заметь, он с большой склонностью к народовольчеству, т.-е. собственно, к терроризму), по крайней мере, в численном отношении они уступают народническим кружкам. Не только нет у них ясности в воззрениях, но к тому же у них полное незнание, за что взяться, так что случается—народоволец просит у народников «дать ему какое-нибудь занятие». Словом, как он сам выражается, полное de facto примирение между теми и другими, и слияние потому только не совершается, что, например, в Москве нет никакого народовольческого кружка, который взялся бы за присоединение, «так как народники согласились бы на всякие условия», лишь бы выйти из

1) Т.-е. немецких соц.-дем.

2) Это был Янович, впоследствии шлисельбуржец, покончивший в Якутской области самоубийством. Он примкнул к нашей группе и, обладая кое-какими материальными средствами, оказал нам некоторую поддержку.

теперешнего инертного своего состояния. Такое же, приблизительно, положение и в других городах, так как нигде нет капрала, который взял бы в руку палку. Однако заметно внутреннее оживление среди молодежи: она снова хочет взяться за деятельность, критически относится лишь к старым способам, желает чего-нибудь определенного, ясного. Поэтому, — говорит он, — появившись человек с определенной программой и опытный, то мог бы вести многих за собой, но ему, вследствие разрозненности кружков и личностей, пришлось бы чуть ли не с каждым в отдельности сговариваться, переезжая с места на место. К политической борьбе все относится вполне сочувственно; поэтому, думает он, с этой стороны наша программа не встретит препятствия, но он не обещает нам успеха, раз мы на месте там не будем иметь людей, которые могли бы указывать практические пути действий.

Ну, вот почти буквально все, что он с иллюстрациями сообщил нам. Особенно нового, конечно, ничего, и, знаешь, меня эти известия вовсе не опечалили. Для меня наш путь остается по-прежнему тем же: поставить здесь хорошо литературное дело, более или менее обеспечив его, спровадить несколько человек отсюда, на которых можно в России положиться (приблизительно таких, как Гринфест и Вера Личкус¹⁾), затем — мне двинуться, имея уже какую-нибудь среду, поддержку там. Поэтому я несколько не прихожу в отчаяние, а придумываю лишь, где бы раздобыть нужную сумму в 2000—3000 франков пока. Этот юноша, производящий довольно хорошее впечатление своей солидностью и положительностью (он приехал со специальной целью поучиться социализму), гарантирует мне уплатить через $\frac{1}{2}$ года 1200—1500 франков (у него есть свои деньги, но раньше $\frac{1}{2}$ года он не сможет больше взять, так как в последнее время забрал много); поэтому я и придумываю, где бы устроить заем (до июля месяца) в 1000—1200 франков, будучи сам уверен, что к сроку отдам; но пока не надумал определенного места. Не потолкуешь ли с некоторыми членами своей группы на этот счет?

Что касается твоей брошюры, то, думаю, лучше присылай ее прямо, а то Жорж, кто его знает, когда еще выберется, хотя

¹⁾ Кузина Флинн Марковны Степняк, бернская студентка, после смерти ее мужа, нашего единомышленника, Алек. Хотинского, вернулась в Россию, обещав оказывать содействие нашей группе. Исполнила ли это, не знаю, так как вскоре я был арестован.

деньги на его поездку у меня имеются, но каждый раз у него другая задержка.

Решительно не понимаю, откуда взялась сплетня по поводу нашего «заседания и обсуждения убийства Судейкина»? Ничего подобного не было. Наоборот, когда, во время встречи нового года принесли это известие на бал, то Вера предложила тост за убийц, за что ее из публики даже упрекнули, так как в зале было много легальных лиц, которым невыгодно заявлять публично о своем сочувствии. Вот и все.—Поэтому можешь смело заявлять, что все рассказываемое—ложь.

Итак, когда получишь транспорт с книгами, то поступи с ним, как я раньше объяснил. Заодно пошлю и для Цюриха 50 экземпляров Энгельса—«пожертвование» цюрихск. кружку. Ну, всего вам всем хорошего. Не приходи в отчаяние: лучшее трудно было ожидать, и вовсе уж не так скверно, как кажется. С русским Новым Годом поздравляю всех вас. Я напишу тебе предварительно, когда Жорж поедет. Целую крепко.

Твой Евгений.

У народовольцев (заграничных), очевидно, дела идут также очень скверно: они начинают уже посещать [нас]—(к Жоржу приходил Полин с «частными» разговорами: «почему бы не соединиться?»). Конечно, это не без разрешения высшего начальства), на что Жорж ответил, что теперь речи об этом быть не может, а если когда и будет, то о «соединении». Также заговаривал он о том, чтобы Жорж один к ним присоединился, что он, конечно, тоже отклонил. Впрочем, он сам тебе расскажет, когда приедет.

XX.

Понедельник, 14/1 84.

Только что получил от Гринфеста письмо, которого не посылаю тебе пока, потому что не показал его еще другим нашим. Впрочем, он в нем не сообщает решительно ничего, чего бы мы уже не знали из рассказов приезжего [Яновича]. Предыдущее его письмо также получено моим дрезденцем ¹⁾, который, оче-

¹⁾ «Дрезденцем» и «Дрезденским юношей» мы называли студ. Дрезден. Политехникума И. Слободского, примкнувшего к нашей группе. Будучи довольно состоятельным, он оказывал нам небольшую помощь. Он здравствует; примкнул к коммунистам.

видно, счител его за свое, так как и он переписывается с Москвой. Хотя «Разв. Соц.» будет уже сегодня готово, но я тебе не пошлю транспорта для переправы через швейцарско-прусскую границу, так как надумал сделать проще: пошлю кому-нибудь из германских студентов (в Дрезден или Штуттгарт), который уже перешлет в Кенигсберг: ведь эти брошюры не запрещены в Германии, и Эльпидии их рассылают в больших количествах, а этот способ куда дешевле будет стоить и проще.

Нового у нас ничего. Когда Жорж поедет, решительно не знаю. Ввиду давнего обещания издать брошюру об анти-еврейских беспорядках, Роза проектирует, чтобы он сперва написал ее, а потом уже поехал, на что он окончательно уже согласился. Тогда его отъезд оттянется, хотя ему самому очень хочется поскорее ехать.—Мне снова удалось раздобыть 200 франков, но, при наших расходах, это на один зуб. Все думаю, где бы достать 1000—1500 франков, ввиду расплаты в июле, как гарантирует Янович это.

XXI.

17/I 84.

Дорогой друг! Прочитали мы сообща твою брошюру и, к крайнему нашему огорчению, нашли ее очень плохой. Имеются в ней, правда, недурные места, довольно популярные, но в общем это не популярная брошюра для рабочих, а скорее—объяснительный словарь некоторых иностранных слов, выражений и формул; к тому же, как во всяком кратком объяснении, много неясностей, смешение голых упоминаний с пояснениями, которые должны следовать в дальнейших главах; например, вместо простого упоминания «социал-демократия» ты в объяснение этих слов вносишь упоминание и об их задачах, воззрениях. Вследствие всего этого, по нашему мнению, она не может быть в таком виде понятна рабочим. Но конспект твой очень хорош, интересен, и если бы выполнение его было так же хорошо, то брошюра была бы превосходна. К сожалению, именно потому, что конспект хорош, т.-е. разносторонен, подробен, касается многих вопросов,—крайне трудно изложить его хорошо для рабочих. У Веры явился план предложить тебе бросить намерение писать эту брошюру для рабочих, чем только портишь ее, а лучше бы ты ее написал для интеллигенции по этому же плану, т.-е. повыбрасывал бы всякие объяснения иностран-

ных слов и пр. и сильно сократил бы присланную главу, сделав [кое-что] заново. Она даже предлагала послать тебе эти листки обратно для таких поправок. Но так как Рольник ¹⁾ уже давно сидит без работы, и я не знаю, как ты отнесешься к ее проекту, то ему все же сдано начало с очень маленькими поправками. Если же тебе ее проект понравится, то можешь, не стесняясь, сделать в корректуре какие хочешь изменения и дополнения, а то и совсем похерить набранное: нам ведь важно, чтобы выходили хорошие брошюры, а не какие-нибудь, лишь бы выпускать.

Просто беда с отсутствием материала для печатания, вернее — с бедностью у нас в литераторах! С нашими литературными силами, будь даже у нас большие деньги, — на что я не теряю еще надежды, — мы далеко не уйдем, и даже один наборщик будет половину года гулять! Не знаем, что и придумать в этом отношении?

Посылаю тебе полученное мною давнишнее письмо Саула, которое я считал затерянным. Молодец, он, право! Славный парень! Я им очень доволен. Теперь я ответил ему большим письмом и выслал в Вильно несколько брошюр (в 5 книгах ²⁾). К тому же отправляю завтра в Кенигсберг транспорт с 200 брошюр. Присланную Саулом прокламацию конституционалистов с глупейшими требованиями получишь через Берн от Ани, также и «Листок Нар. Воли» № 2.

Напрасно, брат, ты забеспокоился обо мне: я вовсе еще не собираюсь ехать, а когда найду нужным, то постараюсь так это обладать, чтобы зря не попасться и вернуться вскоре сюда обратно, устроивши там дела ³⁾. Ну, всего вам хорошего. Ответь поскорее насчет своей брошюры. Целую тебя.

Твой Евгений.

Письмо Саула [т.-е. Гринфеста, Л. Д.] сохрани.

¹⁾ Товарищ, заведывавший нашей типографией, бывший чернопеределец, ставший марксистом, но впоследствии он перешел к анархистам. (Подробнее о нем в воспом. Гецова.)

²⁾ Т.-е. в переплетах пяти книг.

³⁾ Здесь я имел в виду временную свою посадку, конечно, нелегально в Россию.

XXII.

10/II 84 [Женева].

Дорогие Жорж ¹⁾ и Павел! Прочитали мы 1-ю главу ²⁾ сообща и пришли от нее в большой восторг,—просто не нахвалимся. Если и остальные выйдут так же, брошюра будет иметь большой успех. Янович, которому мы сказали о ней, уже думает перевести ее на польский язык; Аня, вероятно, переведет ее на итальянский. Мне кажется, не мешало бы под конец хоть вкратце указать или упомянуть об ошибочности стремлений анархистов уничтожить государство, с чем и Вера согласна. Впрочем, это как ты находишь по своему плану—удобным или неудобным. Я вношу лишь предложение.

Что касается ее размеров, то я не знаю, почему ты так недоволен мною за мое мнение—не делать ее больше 36—40 страниц? Раз дальше так же будешь излагать, то я не вижу, чтобы она вышла больше (если, конечно, говоря о происхождении Соц.-Дем., ты не заберешься в глубь истории).

Спешить тебе пока нечего: в типографии набирается сербская, а в выпадающие свободные дни—лопатинская ³⁾. По окончании сербской, думаю, нужно будет раньше Жоржевскую пустить в набор (если, конечно, он к тому времени, т.-е. недели через две, приготовит хоть часть [ее]). Словом, отделявай ее так же старательно, как и 1-ю главу.

Нового у нас абсолютно ничего. Разве то, что я, наконец, кончил свою статью и на-днях ее посылаю. По ней же я читал реферат вчера, и предстоит второй еще. Драгоманова не было, чему я был рад. Ну, прощайте. Что же это вы, Жорж, расхворались? Всего вам хорошего и всякого успеха. Целую крепко.

Ваш Евгений.

Это было моим *последним* письмом к Аксельроду: вслед за его отправкой я сам поехал в Цюрих, оттуда затем—во Фрейбург, где (в начале марта) был, как известно, арестован и два с чем-то месяца спустя выдан русскому правительству, отправившему меня на каторгу (см. «16 л. в Сибири»).

Л. Д.

1) Плеханов отправился на время в Цюрих для прочтения реферата.

2) Речь идет все о той же популярной брошюре для рабочих П. В. Аксельрода.

3) Ник. Ник. Лопатин—эмигрант, родственник Герм. Алекс., перевел под руководством В. И. Засулич, для нашего издательства, «Нищету философии» К. Маркса.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От Комитета и Редакции	5—7
Признательность	8
✓ Л. Г. Дейч.—Первые шаги группы «Освобождение Труда»	9
Г. В. Плеханов.—А. Н. Радищев (посмертная рукопись)	50
В. В. Повдняякова Плеханова.—Детство и отрочество Г. В. Плеханова	83
✓ Р. М. Плеханова.—Наша первая встреча с Ж. Гедом	95
Е. Н. Игнатова.—Братья В. Н. и И. Н. Игнатовы (воспоминания сестры)	101
✓ О. К. Буланова.—«Черный Передел»	112
И. Гецов.—Типография «Черного Передела»	123
✓ Фр. Энгельс.—Письма к В. И. Засулич	133
Г. В. Плеханов.—Письма к С. Кравчинскому	145
✓ Л. Г. Дейч.—Письма к П. Б. Аксельроду	148
В. И. Засулич.—Письма к С. Кравчинскому	200
✓ С. Кравчинский.—Письма к В. И. Засулич	215
✓ Л. Тихомиров.—Письма к И. Л. Лаврову	245
✓ Ю. Сергеев.—Ушедшие (И. Аксельрод, Б. Гинсбург, А. Любимов, д-р Н. Васильев, А. Зон и Б. Цетлин)	256
Л. Г. Дейч.—Три свежие могилы (А. Успенская, А. Зунделевич и П. Моисеевко)	270
Л. Д.—Смерть Ленина	276
✓ Е. Н. Ковальская.—Печальное недоразумение	278
✓ С. Я. Вольфсон.—Вокруг Плеханова (литературное обозрение произведе- ний о Г. В. Плеханове в 1923 г.)	282
Алфавитный указатель имен	305

ФОТОГРАФИИ: группа «Осв. Тр.», портреты В. Н. и Е. Н. Игнатовых и факсимиле писем Фр. Энгельса.